

КЭТРИН
ФОЛКНЕР

ГРИНВИЧ ПАРК

ИДЕАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ
МОЖНО РАЗРУШИТЬ?

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

Новый мировой триллер

Кэтрин Фолкнер

Гринвич-парк

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111- 31(73)

ББК 84(7Вел)- 44

Фолкнер К.

Гринвич-парк / К. Фолкнер — «Издательство АСТ»,
2021 — (Новый мировой триллер)

ISBN 978-5-17-127483-2

Жизнь Хелен идеальна – муж-архитектор, великолепный дом в викторианском стиле, дружная семья и долгожданная, после многих неудачных попыток, беременность. В счастливом ожидании она записывается на курсы для беременных в своем районе, где и встречает Рэйчел – свою полную противоположность, громкую, экстравагантную и одинокую. Рэйчел почему-то ужасно притягивает Хелен к себе, но вскоре едва зародившаяся дружба начинает ее пугать. Новая подруга как будто бы всегда случайно оказывается рядом, неожиданно приходит в гости, знает, кажется, каждую мелочь о Хелен и ее семье. События развиваются стремительно, принимая самые опасные обороты, и вот уже непонятно, кто преступник, а кто жертва в странной и запутанной игре.

УДК 821.111- 31(73)

ББК 84(7Вел)- 44

ISBN 978-5-17-127483-2

© Фолкнер К., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

После описываемых событий. Тюрьма Бовуд	6
Срок: 24 недели	8
Хелен	8
Хелен	12
Срок: 26 недель	18
Хелен	18
Гринвич-парк	20
Срок: 27 недель	21
Хелен	21
Гринвич-парк	24
Срок: 28 недель	25
Кэти	25
Хелен	28
Срок: 29 недель	33
Серена	33
Хелен	39
Срок: 30 недель	43
Хелен	43
Хелен	47
Срок: 31 неделя	50
Хелен	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кэтрин Фолкнер Гринвич-парк

Посвящается Питу

Katherine Faulkner
GREENWICH PARK

Печатается с разрешения Madeleine Milburn Ltd и The Van Lear Agency LLC.

© Katherine McIntyre, 2021

© Новоселецкая, И., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

После описываемых событий. Тюрьма Бовуд

5 ноября 2019 г.

Дорогая Хелен,

Знаю, ты просила меня больше не писать. Но я должен рассказать тебе всю правду, даже если и сейчас, по прошествии времени, ты по-прежнему не желаешь ее слышать. Что ты делала в тот день, после того, как меня увели из зала суда? После того, как прозвучал удар молотка, все встали, шурша шелковыми и хлопчатобумажными одеждами. Я высматривал тебя, хотел найти твое лицо. Когда же мой взгляд упал на голубую клетку твоего пальто и я увидел, что ты смотришь в пол, мне стало ясно как божий день – назад пути нет.

Помнишь, какая звенящая тишина воцарилась в зале, когда меня повели прочь? Безмолвие нарушал лишь звук моих шагов. Я часто думаю, что же ты делала потом, после того, как меня запихнули в тот фургон без окон. Куда пошла, что ела. С кем разговаривала. Что происходило в твоей жизни после того, как меня выдернули из нее.

Когда я думаю о тебе, а это бывает довольно часто, в моем воображении ты всегда стоишь в кухне: с кружкой в руках, смотришь в окно на свой сад. Порой я закрываю глаза, чтобы твой образ вырисовывался более отчетливо. На тебе зеленый свитер, волосы скручены в узел на макушке. На стенах – живописные творения твоих родителей, над стеклянными дверями – трещина, на столе, где обычно стоят бутылки с растительным маслом и уксусом, – лужицы света. Картина всегда одна и та же, как я ее помню. На ветвях твоей магнолии поют птицы? А розы цветут? В моих грезах и птицы поют, и розы цветут. Надеюсь, что это так.

На мой взгляд, труднее всего здесь привыкнуть к тюремной пище. Вилки пластмассовые. Когда пытаешься воткнуть их в куски серого мяса, в твердые комья пюре из картофельной муки, они ломаются. Бывает, надзиратели, если попросишь, дают на замену другую вилку, а бывает, и нет. Тогда приходится есть руками. Это, конечно, ерунда, но когда вся жизнь, как в моем случае, ужимается до размеров камеры, мелочи начинают приобретать большую значимость, чем это приемлемо.

Порой мне даже не верится, что я действительно нахожусь здесь. Опасный, неблагонадежный тип. С другой стороны, никто ведь не считает себя плохим, верно? Какими бы мы ни были, что бы ни совершили. У каждого на то есть свои причины. Если б кто-то согласился их выслушать...

Возможно, ты не станешь читать мое письмо. Порвешь его, едва увидев штемпель. Порвешь и бросишь в огонь. Хотя маловероятно. Ты всегда была слишком любопытна, не так ли, Хелен? Не могла устоять перед соблазном вскрыть запечатанный конверт. Если бы не эта твоя слабость, может быть, все сложилось бы иначе.

Не пойми меня неправильно. Я тебя не виню. Как бы ты ни поступила, ты не заслужила того, что приключилось потом. Надеюсь, ты понимаешь – я не хотел, чтобы в конечном итоге получилось так, как вышло. Наверное, я просто потерял контроль над собой. В последнее время мысленно я пытаюсь отмотать время назад, вернуться по своим следам. Пытаюсь определить, с чего все началось, в какой момент возник перекося. И мне кажется, случилось это за годы до того, как ты вообще почувствовала неладное.

Догадывалась ли ты в ту пору, когда не без твоего участия этому был дан толчок, что в итоге будет знаменовать тот день? Не сердись, но мне всегда казалось, что в твоей памяти он трансформировался в некую фантазию. Однажды, когда ты вспоминала те события, я чуть было даже не спросил тебя об этом. Так ли это было *на самом деле*? Солнце грело, трава благоухала? Ты уверена, Хелен? Уверена?

Понимала ли ты тогда, что те твои яркие воспоминания своим совершенством могут навечно погубить тебя? Что они затмят многое другое?

Надеюсь, что нет. Надеюсь, тогда ты не сознавала, что так, как было, уже никогда не будет, невзирая на все твои усилия. И я рад, что ты не знала правду о том дне. Наверное, я надеялся, что ты так и будешь пребывать в неведении.

Но теперь, Хелен, ты должна это узнать. Прочти мою исповедь.

Срок: 24 недели

Хелен

По лестнице, застеленной ковровой дорожкой с пивными пятнами, я поднимаюсь к двери, к которой скотчем прикреплена табличка с надписью «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОМОЩИ БУДУЩИМ РОДИТЕЛЯМ». Дверная ручка, кажется, отвалится, если повернуть ее слишком резко. В самом помещении полукругом расставлены стулья. Офисный мольберт с отрывными листами. Столики, на них – сок и печенье. Подъемные окна наглухо закрыты.

Три пары уже здесь. Среди них я словно белая ворона – пришла без партнера. Мы обмениваемся вежливыми улыбками, сидим молча – для светской беседы обстановка неподходящая, слишком жарко и неудобно. Один из мужей, бородач, пытается открыть окно, но после нескольких тщетных попыток обреченно пожимает плечами и снова усаживается на место. Я улыбкой выражаю ему сочувствие, обмахиваясь брошюрой с рекомендациями по оказанию первой помощи младенцам, которую нашла на одном из стульев. Мы покачиваемся, как заде-тые шаром кегли в боулинге. Морщась, выгибаем спины, раздвигаем колени, на которых лежат наши раздутые животы.

Приходят другие пары. Я смотрю на настенные часы. Половина седьмого. Где же они? Не сойду глаз с телефона, ожидая ответа на свои сообщения. Никто не отвечает.

Чтобы быть здесь вовремя, я пораньше ушла с работы. Впрочем, ушла не я одна. Уже несколько дней у нас не работают кондиционеры. Так что сегодня к полудню офис был уже наполовину пуст. Лишь на отдельных столах вяло жужжали вентиляторы, обдувая раскрасневшиеся лица немолодых мужчин.

Я выключила компьютер, взяла свою сумку и посмотрела на Тома. Тот горбился с телефоном в руке, третий раз за день звонил коммунальщикам, жалуясь на жару в помещении. Пытаясь привлечь его внимание, я робко помахала ему, но он не отреагировал. Лишь искоса глянул на мой живот, по-прежнему прижимая к уху телефон. Видимо, забыл, что это мой последний рабочий день.

Не желая медленно задыхаться в душном метро, я решила пройтись пешком. Солнце слепило. Жар, поднимавшийся от раскаленных тротуаров и наземных пешеходных переходов, превращался в марево, мерцавшее между автомобилями и автобусами. Потные водители раздраженно сигналили. Все только и говорили о нещадном зное. Никто не помнил столь жаркого лета. Нам постоянно твердили, чтобы на улице мы держались теневой стороны и носили с собой бутылки воды. Дождя не было несколько недель. Магазины в небывалых количествах распродавали вентиляторы, лед, садовые зонтики. Ходили слухи, что будет введен запрет на использование шлангов для полива.

Я решила срезать путь через парк, лежащий между зданиями Гринвичской обсерватории и Военно-морского колледжа. Прозрачная дымка смягчала очертания всего вокруг. На желтеющей траве тут и там отдыхали, скинув обувь и ослабив узлы галстуков, работники близлежащих офисов. В темных очках, они потягивали из банок джинс с тоником и ели чипсы, довольно громко переговариваясь между собой, как это обычно свойственно подвыпившим людям. Ощущение было такое, что я иду мимо участников вечеринки, на которую меня не пригласили. Мне пришлось напоминать себе, что пялиться на них неприлично. Но не смотреть на счастливых людей очень трудно. Они буквально приковывают взгляд.

Тем летом, когда мы выпускались из Кембриджа, тоже стояла несусветная жара, и мы вчетвером частенько плавали на лодке по реке. Мы с Сереной загорали. Рори управлял шестом. Дэниэл, красный как рак – его светлая кожа быстро обгорала на солнце, занимался напит-

ками. Причаливая к берегу, мы сразу прятались под сенью плакучих ив. На небе ни облачка, на прозрачной поверхности реки Кем плясали солнечные блики. Тогда казалось, что лето будет длиться вечно. Но оно, разумеется, закончилось, и я испугалась, что мы утратим былую близость. Не тут-то было. Рори и Серена тоже поселились в Гринвиче, по другую сторону парка. Дэниэл стал работать вместе с Рори в нашей семейной компании. А вскоре с разницей в две недели появятся на свет наши дети.

Приходит и ведущая. Ставит у маркерной доски на пол сумку и пакеты «Tesco». Дверь оставляет открытой, подперев ее скрученной подставкой под бокал с пивом. Затем на клейком листочке зеленым маркером выводит «СОНЯ» и прилепляет его к себе на грудь. У Сони длинная коса почти до пояса, правда растрепанная.

– Ну что, приступим? – говорит она. И начинает лекцию – заученный монолог о схватках, облегчении боли и кесаревом сечении. Одно ее веко подергивается, когда она касается каких-то пикантных подробностей, о которых не принято говорить вслух. Время от времени Соня вынуждена повышать голос, чтобы перекрыть грохот кастрюль и сковородок или бранные возгласы, доносящиеся с кухни паба на нижнем этаже.

Через несколько минут после начала лекции я снова смотрю на свой телефон. Экран сверкнул: поступило сообщение. Открываю. Дэниэл пишет: «Встреча только-только закончилась. Теперь еду домой. Поезд прибывает в 10». И дальше о том, как он ужасно расстроен и сожалеет, что не успевает приехать на занятие, но он обязательно загладит свою вину передо мной.

Я знаю, что мой муж был бы здесь, если б мог, что он страшно огорчен из-за того, что подвел меня. Что ему пришлось задержаться из-за важной встречи, которую назначили буквально в последний момент. И в то же время, хочу я того или нет, меня гложет разочарование. Я с волнением ждала этих занятий, надеялась, что мы будем посещать их вместе, как и положено образцовым супругам, готовящимся стать родителями.

Соня достает из пакета учебные пособия – щипцы, вакуум-экстрактор, вязанные накладки для сосков, женскую матку, из которой она выдавливает одетого пластмассового младенца. В глазах мужчин застывает ужас, на потных лицах женщин – страх. Мы пускаем эти предметы по кругу, силясь храбро улыбаться друг другу.

Стулья слева от меня по-прежнему не заняты. Бородач вынужден тянуться через них, чтобы передать мне экспонаты. Я бросаю взгляд на пустые сиденья. На них – ярлыки с именами Рори и Серены, которые я сама написала. Хотя бы эти двое ведь должны быть здесь, составить мне компанию, чтобы мне не было так одиноко. А теперь я чувствую себя полной дурой, будто специально выдумала двух своих друзей. Могло ли случиться так, что Серена просто забыла?

Тут приходит еще одна эсэмэска. От Серены. У меня сжимается сердце. Еще не открыв сообщения, в глубине души я наверняка знаю, что прочту в нем.

Хелен, привет! Я помню, что сегодня первое занятие для будущих родителей, но решила, что мы с Рори все-таки его пропустим. Надеюсь, ты не в обиде. Просто я порылась в Интернете и нашла другие курсы – шикарные курсы для беременных, которые мне больше по вкусу. Там меньше нравоучительной болтологии, к тому же занятия проводятся в органической пекарне. Пожалуйста, попробую походить туда. Прости, что не предупредила заранее. Не скучай!

Соня что-то пишет красным маркером на доске.

– Итак, что вам известно о кормлении грудью?

Я стараюсь сосредоточиться на обсуждении темы грудного вскармливания. Оно протекает вяло. Большинство мамочек смотрят в пол. Одна бормочет что-то о том, как нужно при-

кладывать младенца к груди; еще одна сообщает, что ее подруга хранит грудное молоко в холодильнике.

– Больше никто не желает высказаться? – Соня сникает. На ее футболке в области подмышек расплываются полукруглые пятна пота.

И в этот самый момент в комнату входит девушка. Она с грохотом захлопывает за собой дверь. Соня морщится.

– Вот блин. Извините, простите, – громко произносит вновьприбывшая. Она стряхивает с плеча рюкзак золотого цвета и бросает его на пол. Тот с глухим стуком бухается почти у самой моей ноги. – Опа! – широко улыбается девушка, держа на животе ладонь.

К ней прикованы взгляды всех присутствующих. Соня у доски, держа на весу руку с красным маркером, холодно взирает на опоздавшую. Пока она сделала всего две записи: «ПРАВИЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (СОСОК)» и «ХРАНЕНИЕ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ».

– Занято? – спрашивает новенькая, пальцем показывая на стул возле меня, который я занимала для Серены. Ногти девушки покрыты фиолетовым лаком.

Чуть помедлив, я качаю головой. Под взглядами остальных слушателей убираю со стульев неиспользованные бейджики, переставляю свои сумки на другую сторону и со скрежетом чуть отодвигаюсь на стуле – чтобы места было больше.

– Ну, кто еще? – со вздохом спрашивает Соня.

Следующие несколько минут она упорно пытается расшевелить слушателей. Женщины начинают елозить на стульях, смущенно переглядываются, вскидывая брови. Я стараюсь сосредоточиться. Моя соседка, опоздавшая, жует жвачку. Мне кажется, кроме ее чавканья я больше ничего не слышу. Искоса посмотрев на девушку, я замечаю у нее во рту яркий розовый комочек с ароматом искусственного вишневого красителя. Она перехватывает мой взгляд и снова улыбается, словно присутствует на уморительном представлении. Наконец Соня сдается.

– Ладно, – говорит она, тыльной стороной руки отирая со лба испарину. – Сделаем короткий перерыв?

По комнате прокатывается одобрительный ропот. Женщины вперевалку идут к графинам с соками. Я быстро следую за ними. Вскоре они разбиваются на группы, отовсюду слышится болтовня. Я стою в стороне одна. Меня охватывает паника. Ни Дэниэла, ни Рори, ни Серены. Как вообще люди знакомятся? Как поступила бы Серена?

Я топчусь возле одной группы – делаю вид, будто встала там случайно, а сама выжидаю подходящего момента, чтобы вступить в разговор. Удобного случая никак не предоставляется. Несколько раз я пытаюсь вставить слово, но меня постоянно кто-то опережает. В итоге я просто открываю-закрываю рот, как вытащенная из воды рыба. Чувствую, что мною постепенно овладевает беспокойство, нервный узел в затылке бьет тревогу. Я изнываю от духоты. Хоть бы кто-нибудь приоткрыл окно!

Ко мне подходит опоздавшая девушка. В руках у нее два больших запотевших бокала с холодным белым вином.

– Держи. По-моему, тебе нужно выпить. Один бокал в день не повредит.

Она протягивает мне вино. Ее накрашенные ногти короткие и обгрызенные. На вид она совсем юная, а, может, это у нее просто лицо такое. Круглое, в ямочках, детское. Однако из-за того, что зубы девушки, в частности маленькие острые клыки, чуть выпирают, улыбка ее напоминает волчий оскал.

– Так что за дела?

– Прости, не поняла, – удивленно моргаю я.

Девушка ставит бокалы с вином на стол и жестом показывает на два стула возле меня, на которых все еще лежат самодельные таблички с именами «Рори» и «Серена».

– Просто любопытно, что это за маскарад. – Она пожимает плечами. И вдруг резко обращает ко мне свое лицо – глаза вытаращены, пальцы зажимают рот.

– Ты, случаем, не суррогатная мать, а? – смеется она. – Тогда все было б ясно. Им это на фиг не надо, и ты осталась одна с их ребенком! Ха-ха!

Девушка улюлюкает. Я оборачиваюсь через плечо, пытаюсь перехватить взгляд кого-нибудь из других женщин. Все отводят глаза. Я прочищаю горло, понимая, что вынуждена ей ответить.

– Э-э... нет. Нет. Я – не суррогатная мать. – Я выдавливаю из себя смешок. – Просто муж мой, Дэниэл, не смог сегодня прийти. – Я едва заметно качаю головой, словно это обычное дело, ерунда. Какое-то время молчу, не сразу сообразив, что она ждет объяснения по поводу двух других пустых стульев.

– Вторая пара – мой брат и его жена. Рори и Серена. Они ждут ребенка в том же месяце, что и мы. Мы планировали все вместе – вчетвером – посещать курсы, но они, наверное... в конечном итоге передумали.

Девушка сочувственно улыбается.

– Да, ждать их бесполезно. Но ты не переживай. Я готова составить тебе компанию. – Она снова берет бокал с вином. – Ну что, выпьем?

– Спасибо, – нерешительно говорю я. – Только, по-моему...

Ну что я все бекаю да мекаю? Нужно просто взять и сказать: «Спасибо, но пить вино я не стану. Я беременна. И ты, кстати, тоже». Впрочем, зачем объяснять очевидное?

– Ой, да знаю я, что ты хочешь сказать, – во всеуслышание заявляет она, закатывая глаза к потолку, и затем обводит взглядом комнату. – Фигня все это. Задолбали! У них же семь пятниц на неделе! Сегодня можно пить, завтра – нельзя, послезавтра – можно «умеренно», а потом оказывается, что это и вовсе незаконно. Ох уж эти доктора, полный отстой!

Я прокашливаюсь. Ну вот как реагировать на ее слова? Остро сознаю, что теперь все остальные женщины смотрят то на меня, то на девушку, то на бокалы с вином.

– Пошли они к черту, эти врачи, – продолжает та. – Наши мамы во время беременности пили за милую душу. И ничего: мы все прекрасно выжили!

Она вещает слишком громко. Все остальные молчат, уже открыто глядя на нас.

Девушка скользит взглядом по осуждающим лицам других мамочек, потом вскидывает брови, глядя на меня, и смеется. В поддержку выраженного мнения приподнимает бокал с вином и затем подносит его к губам.

– К черту Минздрав, если хотите знать мое мнение, – фыркает она и отпивает вино из бокала. Я замечаю, что кое-кто из мамочек морщится.

Девушка берет со стола второй бокал и протягивает его мне.

– Держи, – настаивает она чуть ли не с угрозой в голосе: попробуй откажись. – Тебе же хочется выпить... – она опускает взгляд на мой бейджик, – ...Хелен.

Потом, когда все это закончится, я буду недоумевать, почему пошла у нее на поводу. Ведь я вижу, что есть в ней нечто отталкивающее. Нечто такое, что порождает импульс бочком, бочком отойти от нее на безопасное расстояние. Как будто стоишь ты на вершине скалы, а тебе в спину внезапно ударяет шквалистый ветер...

Но я не отступаю. Беру вино. Остальные женщины тотчас же отворачиваются, словно, взяв бокал, я ответила на все их вопросы. Мне хочется объяснить им, что я делаю это из вежливости и пить вино вовсе не собираюсь. Но на меня уже никто не смотрит.

– Спасибо, – слабым голосом благодарю я.

– Рада знакомству, Хелен. А я – Рейчел.

Она чокается со мной, одним глотком ополовинивает бокал и подмигивает мне, словно мы с ней заговорщицы.

Хелен

Сегодня жара не такая зверская. Ветер с реки гуляет по павильону Гринвичского рынка, раздувая матерчатые стенки лотков, словно паруса. На полу – теплые островки солнечного света, струящегося сквозь стеклянные панели крыши. На зеленых металлических стропилах воркуют и хлопают крыльями голуби. Иногда они слетают к столикам кафе и клюют недоеденные круассаны.

Я всегда любила улицы вокруг рынка: кривые аллеи, красивые окна в георгианском стиле, затхлый запах книг и антиквариата. Мглистое нутро пыльных пабов с тусклым освещением, низкими потолками и потертой кожей сидений. Зловонный дух, что ветер пригоняет с Темзы. Загадочные названия, сохранившиеся с тех времен, когда Гринвич слыл центром вселенной: Стрейтсмут, «Джипси мот», Тернпин, «Катти Сарк».¹

Мы с Дэниэлом часто бываем здесь по субботам, хотя обычно это не приносит ничего, кроме разочарования. В кафе ни одного свободного столика, очередь за готовыми блюдами тянется на улицу. В проходах между прилавками не протолкнуться. Я постоянно извиняюсь, животом упираясь в чужие спины. Как правило, наш поход заканчивается тем, что мы бесцельно бродим по рынку, снова и снова разглядывая одни и те же детские вещи и причудливые шляпы кустарного производства либо подержанную мебель. Наперебой с туристами пробуем крошечные ломтики дорогих сыров, которые затем считаем своим долгом купить.

Правда, сегодня мне пришлось уйти из дома. Утром, когда я, еще в пижаме, спустилась вниз, налегая на грязные поручни, переступая через инструменты, изоляционные материалы и пыльные тряпки, меня встретила кучка смущенных ремонтников. Я буркнула им «Доброе утро». Знала я только бригадира Вилмоша, но его среди рабочих не было. Вряд ли кто-то из них говорит по-английски. Они все заулыбались и закивали мне в знак приветствия. Каждый сжимал в руке банку с напитком Relentless, у каждого за ухом торчала сигарета. Нетрудно было представить, что уготовил мне этот день. Сверление, пыль, грохот отваливающейся штукатурки. Незнакомые мужчины мочатся в моем туалете, к чайнику протоптана дорожка из грязных следов.

Я еще не простила Дэниэла за то, что он пропустил занятие для будущих родителей. На следующее утро, когда я проснулась, он уже был на ногах – приняв душ, сидел на диване с ноутбуком на коленях. Заметив меня, он поднял голову от компьютера.

– Привет, как все прошло?

Я пожала плечами, теребя пояс халата.

– Мне было неловко.

– Прости, Хелен, я глубоко сожалею.

– Знаю. Просто я ненавижу такие мероприятия. Особенно если я там одна.

Дэниэл закрыл ноутбук, потер глаза за стеклами очков. Попытался объяснить. «Ивнинг стандарт» в пух и прах разнес новый проект, над которым он работал. Статья вышла после обеда, заказчик рвал и метал, предъявляя претензии. Почему его не предупредили? Почему вмешивается пресса? Дэниэл был вынужден помчаться в Эдинбург на встречу с заказчиком и попытаться уладить скандал.

– А Рори не мог поехать?

Задавая этот вопрос, я уже знала, что он ответит. Дэниэл закатил вверх глаза.

– Я не смог его найти. Как всегда.

¹ Straightsmouth – улица в Гринвиче (Лондон). Gypsy Moth (в переводе с *англ. букв.* «шелкопряд») – паб в Гринвиче. Turnpin Lane – небольшая улица близ рынка в Гринвиче. Cutty Sark (в переводе с *шотл.* «Короткая Рубашка») – самый известный и единственный сохранившийся трехмачтовый клипер XIX в.

Дэниэл начал работать в архитектурной фирме моего брата Рори несколько лет назад. Это была моя идея, и посему я невольно чувствую себя виноватой в том, что мой брат оказался далеко не идеальным бизнес-партнером. Такое впечатление, что все проблемы всегда решает мой муж.

Дэниэл встает с дивана, обнимает меня.

– Прости, – бормочет он мне в волосы. – Обещаю загладить свою вину. Давай в выходные поедem в город, подберем вещи для детской.

Я отстраняюсь от мужа и смотрю ему в лицо. С его стороны это серьезная уступка: после того, что случилось, в таких вопросах ему трудно перешагнуть через себя. Он до сих пор не смеет надеяться, боится поверить, что на этот раз будет по-другому.

– Правда? И ты не станешь целый день ныть и жаловаться?

– Обещаю, – смеется он. – Мы будем разглядывать крошечные носочки, пока тебе самой не надоест. Я слова не скажу.

Сегодня на рынке восхитительно сонная атмосфера. Лоточники сидят в глубине своих палаток и, мирно переговариваясь, поглощают обед из коричневых картонных коробочек, в которых продают «еду на вынос». Очередей нет, поэтому я, не торопясь, выбираю испанскую ветчину, твердые сыры и абрикосовый пирог. В булочной покупаю обсыпанный мукой батон из теста на закваске. На уличных прилавках – в мягкой упаковочной бумаге красные и желтые помидоры, гладкие и круглые, как самоцветы.

В конце концов, может, это будет и не так плохо. Безделье пойдет мне на пользу. Мне порекомендовали пораньше уйти в декретный отпуск. У меня это не первая беременность. Предыдущие окончились печально. Я отношусь к группе риска, меня и моего ребенка обследуют каждые две недели. Мне сказали, что я должна побережться. Сидеть дома. Ничего не делать.

Я решаю не спеша обойти весь рынок, упиваясь ароматами свежего хлеба и свежих цветов, угасающей мелодией, что играет на ступеньках уличный музыкант. Я топчусь у прилавков с товарами, которые никогда не покупаю: серебряные украшения, старинные детские игрушки, самодельные свечи, шуршащие юбки, шелковые платья, яркие туники. Прилавки с товарами, которые любила разглядывать мама, когда мы с ней вместе приходили сюда. Я делаю вид, будто эти вещи вызывают у меня огромный интерес, что дает мне возможность пощупать их. Потрогать серебро, бархат, мятый шелк. Вещи, напоминающие мне о ней.

Хозяйка палатки – немолодая хиппи с пирсингом в носу и грубоватой кожей лица – не возражает. Она обедает, вилкой цепляя кусочки сыра «панир» и ореховую пасту. Свое блюдо, по запаху напоминающее чечевицу с карри, она, вероятно, купила у лоточника, торгующего вразнос горячей пищей. Парусиновая стенка палатки у нее за спиной утеплена войлоком с узором из васильков. Я одну за другой сдвигаю вешалки, перебирая туники и юбки. Думаю, какие вещи выбрала бы мама.

Однажды она купила здесь синее бархатное платье. В импровизированной примерочной приложила его к себе и, склонив набок голову, стала разглядывать свое отражение в зеркале с обитыми краями. Зеркало с радужной окантовкой по-прежнему тут. А то ее платье дома, хотя я не люблю на него смотреть. Убрала его с глаз долой, в выдвижной ящик гардероба. Порой мне трудно взять в толк, почему все остается как было. Вещи, что она трогала, одежда, которую носила, которая теплела от соприкосновения с ее телом. Зеркала, в которые она смотрелась. Все это по-прежнему здесь, в этом мире, со мной. А ее нет и уже никогда не будет.

Я возвращаюсь на площадь, где находится кафе с металлическими столиками. Подумываю о том, чтобы заказать апельсиновый сок и посидеть здесь немного. Может быть, загляну на страничку Серены в «Инстаграме», посмотрю, что у нее новенького. По средам она ходит на йогу и обычно после занятий выкладывает какую-нибудь свою фотографию: вот она, гибкая, как гимнастка, стоит вниз головой, а ее струящиеся волосы завершают идеальный круг, обра-

зuemый телом. Или размещает вдохновляющую цитату из какой-нибудь книги, которую обычно довольно просто найти и заказать в Интернете. Надо бы, думаю я, ознакомиться с информацией о курсах для беременных, которые нашла Серена, – о тех, что проводятся в пекарне. Правда, за свои курсы я уже заплатила сотни фунтов. Дэниэл будет в бешенстве.

И тут в поле моего зрения попадает она. Девушка с курсов для будущих родителей. Рейчел. Она сидит за одним из железных столиков и читает газету – из тех, что бесплатно раздают на станциях метро. На первой полосе – снова статья о том изнасиловании. В лице Рейчел оже-сточенность, губы ее плотно сжаты.

Конечно, можно бы с ней поздороваться, но, в принципе, я не знаю, что сказать, да и не хочется мне затевать очередной пустой разговор. К концу того первого занятия я уже не чаяла избавиться от ее общества, но она снова попыталась завязать беседу. У меня создалось впечатление, что она надеется потусить со мной, выпить еще вина. Я тогда тихо извинилась и поспешила домой с намерением отругать Дэниэла за то, что он не пришел на курсы.

Пользуясь тем, что Рейчел меня не видит, я, не в силах противиться искушению, разглядываю ее. Совсем молоденькая, гораздо моложе остальных женщин в нашей группе; ей еще рано иметь детей. Вполне симпатичная, хотя зачем-то чересчур тонко выщипала брови, а длинные волосы покрасила в слишком темный цвет. На их фоне ее лицо кажется мертвенно-бледным.

Видимо, Рейчел очень увлечена чтением. Еще даже не притронулась к кофе, что стоит на столике перед ней, – судя по непотревоженной пенке, обсыпанной шоколадной пудрой. Телефон и кошелек она положила на край стола. Весьма опрометчиво: бери не хочу. Кошелек, отмечаю я, набит купюрами, так что даже полностью не застегивается.

Рейчел откладывает в сторону газету, берет телефон, начинает что-то печатать. На ногтях у нее по-прежнему облезлый фиолетовый лак. У ног – вульгарный золотой рюкзак и несколько пакетов с покупками. Мобильный телефон одет в золотой пластиковый чехол, какие обычно выбирают для своих телефонов подростки. На задней стороне стразами выложена фигурка кролика – символ журнала «Плейбой».

Я смотрю на нее слишком долго. Она поднимает голову и тотчас же замечает меня. Я быстро отвожу глаза, начинаю копошиться со своими сумками. Поздно.

– Хелен!

Я обращаю на нее взгляд. Серьезного выражения на ее лице уже как ни бывало. Рейчел обнажает в широкой улыбке свои выпирающие зубы. Склонив набок голову, она жестом приглашает меня за свой столик. Пузатый кошелек сует в сумку, с глаз долой.

– Как здорово, что мы встретились! – восклицает Рейчел. Я приветствую ее робким взмахом руки, а она встает и загребает меня в объятия, словно мы давние подруги, которые не виделись сто лет, а не чужие люди, познакомившиеся всего несколько дней назад. Моя рука согнута, неловко зажата между нами.

– Меня тоже пораньше отправили в декрет! Высокое давление, как и у тебя. По-твоему, шансы есть?

Есть ли шансы? – размышляю я. Проблемы с давлением – не редкое явление. Хотя свои я связываю с лишним весом. Но она-то ведь худая, хрупкая, руки-ноги как спички, отчего ее аккуратный круглый живот смотрится карикатурно-огромным.

– Высокое давление? Сочувствую. Бедняжка, – произношу я нерешительно. – «Лабета-лол» принимаешь?

Рейчел тупо смотрит на меня, затем, глянув влево, отвечает уклончиво:

– Ну да. Что-то такое, – и отмахивается от моего вопроса, как от ерунды. – Давай лучше кофе выпьем. Заодно поделимся новостями.

Новостями? Какими? Я хочу воспротивиться, но опять, как рыба, лишь открываю-закрываю рот, не в состоянии придумать подходящий повод для отказа. Рейчел, устремив взгляд

поверх моего плеча, пальчиком с фиолетовым ногтем подзывает официанта. – Простите? Можно вас? – Она снова хмурится, бормочет: – Черт. Официанты здесь вообще не чешутся.

Я ставлю сумку и корзину с продуктами на пол между нами, а сама ищу удобный предлог, чтобы положить конец этой встрече. Пожалуй, скажу, что мы ждем друзей на ужин и мне нужно бежать домой. А пока усаживаюсь за столик, мы обе молчим, что вызывает у меня чувство неловкости. Чтобы сгладить напряженность, я пробую завязать бессодержательный разговор. Показывая на ее пакеты, задаю дурацкий вопрос:

– По магазинам ходила?

– Да! – расплывается она в улыбке. – Детские вещи выбирала, естественно. У меня прям крышу снесло. Ну да, много покупать не советуют, я знаю. Но не могу удержаться. Такие милые вещички!

Я смущенно смеюсь. Мне ее одержимость хорошо понятна. Крошечные бархатные курточки, маленькие полотенчики с медвежьими ушками на капюшонах. Это своего рода наркотик – только начни, не остановишься. Перед Дэниэлом мне придется делать вид, будто я терпеливо ждала, как он и предлагал. Придется изображать, что поход по магазинам за детскими вещами в эти выходные для меня огромное событие. В действительности я уже многие недели прячу от него пакеты со своими покупками.

Рейчел прижимает губы к краю чашки и отпивает кофе, оставляя у ободка коралловую дугу.

– Итак, – произносит она, опуская чашку на столик. – Что твой муж? Вескую причину привел в свое оправдание?

– Прости, ты это о чем?

– Ну он же не пришел на занятие!

– О! – Я издаю нервный смешок, глядя на соседние столики. Другие тоже считают, что Рейчел говорит слишком громко, или это только мне так кажется? – У него был аврал на работе. Такое случается.

Прежде Дэниэл любил свою работу. Когда он пришел в фирму Рори – в строительную компанию, которую основал наш отец и после его смерти возглавил мой брат, – я думала, что это идеальный вариант. Даже если Рори не всегда будет исполнять свою часть обязанностей, Дэниэлу это только на руку: он сам себе хозяин. Фирма находится здесь, в Гринвиче: прошел через парк – и ты на работе. Являешься в офис и сидишь там, когда и сколько считаешь нужным. Во всяком случае, так поступает Рори.

Но Дэниэла я вижу все меньше и меньше. Домой он приходит усталый, с мешками под глазами, сгорбленный, словно тащит на спине рюкзак, набитый камнями. Мне говорит, что все прекрасно, просто заказчик попался требовательный или новый проект оказался каверзным. Но эти сложности плюс ремонт нашего дома привели к тому, что он, кажется, начал ненавидеть свою работу. Возможно, на его настроение влияет и моя беременность. Не знаю. Нужно бы поговорить с ним об этом, расспросить его как следует. Но порой, взглянув на лицо мужа, когда он возвращается домой, я даже боюсь поинтересоваться, как прошел его день.

– Аврал на работе! Да выдумки это все, – хохочет Рейчел, стукнув ладонью по столу. Ее кольца звякают от соприкосновения с металлом. Я вздрагиваю. Стайка голубей у наших ног разлетается.

Взглянув на меня, Рейчел опускает чашку с кофе на стол и трогает меня за руку. Ее лицо принимает серьезное выражение.

– Прости, Хелен. Шутка. Конечно, он переживает.

– Пустяки, – отмахиваюсь я и пытаюсь вернуть разговор в безопасное русло. – Если честно, я была зла на него. Брат с женой тоже собирались быть на том занятии, но и у них не получилось, так что...

– Да, ты говорила. Обидно, – соглашается она. Помолчав, добавляет: – Ты, наверное, рада, что у тебя и у брата дети должны родиться одновременно. Тем более что вы и живете близко.

– Да, – киваю я, – это чудесно. – Я ушам своим не поверила, когда Серена сообщила, что их с Рори ребенок должен появиться на свет буквально вслед за моим, с разницей в несколько недель. После стольких неудач я восприняла это как добрый знак. Прониклась убежденностью, что на этот раз все получится.

– Ты с ней ладишь? С женой брата?

– С Сереной? Бог мой, конечно. Она удивительная. Она мне как сестра, – с восторгом говорю я и чувствую, что лицо мое начинает пылать от внезапного притока крови. Что же я веду себя как ребенок? – Мы все вместе, вчетвером, учились в одном университете, – быстро добавляю я. Про Кембридж благоразумно умалчиваю. Дэниэл однажды сказал мне, что это может быть воспринято как хвастовство, особенно теми, кто университетского образования не имеет. – Рори учился на курс старше меня. И теперь они с Дэниэлом работают в одной компании, так что мы с ними часто видимся.

– Твой муж и твой брат? Работают в одной компании? И чем занимаются?

– Они архитекторы. Отец наш тоже был архитектором... довольно известным. Он умер несколько лет назад.

Я машинально умолкаю, ожидая, что мне, как обычно, выразят соболезнования, начнут расспрашивать про отца. Но Рейчел не реагирует. Указательным пальцем она собирает с пенки кофе шоколадную пудру и кладет ее в рот. Потом мокрым пальцем водит по ободку чашки, на которую налипла пудра.

– После смерти отца фирму возглавил Рори. «Хаверсток и компания», – продолжаю я, хотя сомневаюсь, что Рейчел меня слушает. – Дэниэл к тому времени уже вполне преуспевал в другой фирме: он был удостоен премий, имел награды. Так что решение пришло само собой. Рори предложил Дэниэлу партнерство, и теперь это самый настоящий семейный бизнес. Они оба – блестящие специалисты. Дэниэл сейчас занимается переустройством нашего дома. Мы избавились от ванной на нижнем этаже и оборудуем новую на верхнем – в викторианском стиле, там будет отдельно стоящая ванна – с волнистыми краями, на ножках, и еще просторная душевая кабина. Ее облицуют роскошными изразцами, которые я сама подобрала. А на месте старой лестницы мы поставим новую. Еще расширим подвальное помещение, у нас появится целый новый этаж с утепленной гостиной и стеклянной крышей. И... – Я на секунду умолкаю, поймав себя на том, что слишком уж расхвасталась. – Ну и еще кое-что. В общем, как-то так. Это все Дэниэл спроектировал. И теперь мы с увлечением претворяем в жизнь его проект.

Моя болтовня о строительных работах, я чувствую, нагоняет на Рейчел скуку. Она допивает кофе, измазав пенкой верхнюю губу и пудрой – уголки рта. Я показываю на свои губы, и она со смехом вытирает рот. Потом, потягиваясь, издает протяжный вздох и бросает взгляд вокруг.

– Может, еще по кофе? – предлагает Рейчел, хотя я к своему не притронулась, просто смотрела, как пьет она. – Можно даже рискнуть и взять с кофеином!

Улыбаясь, Рейчел похлопывает себя по животу, обтянутому туникой с леопардовым принтом. Не пойму, насмехается она надо мной, что ли? Такое впечатление, будто Рейчел считает, что дети существуют лишь в абстракции и что соблюдение норм здорового образа жизни – это сугубо личное дело каждой женщины, вынашивающей ребенка.

– Вообще-то, я бы просто выпила апельсинового сока.

Она смотрит на меня с насмешливым удивлением в лице.

– Ладно. Конечно! Пойду закажу. Все быстрее, чем ждать, когда тебя обслужат эти увальни.

Рейчел произносит это громко, чем приводит в замешательство идущего мимо официанта. Игнорируя его, она решительным шагом идет в кафе.

Убедившись, что она скрылась из виду, я решаю заглянуть в ее сумки – не могу противиться соблазну. Украдкой опускаю руку в верхний пакет, большим и указательным пальцами ощупываю ткани. К своему разочарованию, детской одежды я в нем вообще не нахожу. Только затасканный старый джемпер с грязными манжетами и нечто похожее на старые легинсы. Магазинные бирки, пустой футляр для солнцезащитных очков.

– О, черт!

Я резко вскидываю голову. Рейчел, я абсолютно уверена, заметила, что я роюсь в ее сумках. Она смотрит прямо на меня.

– Он дал мне кофе вместо апельсинового сока. Вот идиот! Хелен, кофе будешь пить или мне сходить за соком?

– Не беспокойся, – отвечаю я, стараясь не выдать своего облегчения. – Одна чашка не повредит.

Рейчел снова усаживается на свое место, а я надеюсь, что мне удастся просто оставить чашку на столе. Как тогда бокал с вином.

И вдруг, не говоря дурного слова, Рейчел кладет мне руки на живот.

– Странное состояние, да? – задумчиво произносит она. – Беременность. Где, по-твоему, головка ребенка?

Я не успеваю выразить протест и невольно вздрагиваю, неожиданно ощутив на своем животе прикосновение ее белых ладоней. Они холодные. Кончики пальцев с обгрызенными фиолетовыми ногтями сминают тонкий хлопок моего топа.

– Не... не знаю, – с запинкой отвечаю я. Рейчел как будто не замечает моего ошеломления. Она продолжает гладить мой живот, туда-сюда, раздражая нервные окончания на моей натянутой коже.

– А это легко определить, – говорит она, глядя на мой живот. – Нужно просто нащупать шею. Я покажу.

Рейчел раздвигает колени, садится ко мне лицом и принимается двумя пальцами давить на мой живот, словно пытается с боков обхватить голову ребенка.

– Рейчел, ты сильно давишь, – охаю я. – По-твоему, это не опасно?

– Конечно нет! – заверяет она, потом надавливает сильнее и с торжеством в голосе вещает: – Нашла! Вот его головка.

Резко втянув в себя воздух, я отшатываюсь, спиной прижимаюсь к стулу. Представляю, как мой ребенок плавает в утробе, а недобрые руки Рейчел ужимают красные сияющие стенки его вселенной.

Срок: 26 недель

Хелен

Мы с Дэниэлом в перинатальной клинике. Свет приглушен. Я раздета ниже пояса. Мой живот, испещренный красными растяжками, обмазан холодным гелем. Женщина-узист предупреждает, что будет вводить зонд, а он холодный. Дэниэл смотрит на меня. «Я люблю тебя», – одними губами произносит он, стискивая мою руку. Я отвечаю тем же.

Чувствую, как в меня проникает твердый чужеродный предмет, и стараюсь не напрягаться, стараюсь поддаться спокойствию, которое внушают мне тонкие пальцы Дэниэла в моей ладони. Мы молчим. Комнату наполняет тихое жужжание аппаратуры. Пахнет хлоркой. Сердце наливается кровью.

Живот у меня теперь большой, я чувствую, как в нем толкается ребенок. Такое ежедневное подтверждение того, что он все еще там, по-прежнему жив, очень радует меня, но я все равно невольно вспоминаю, чем прежде не раз оканчивались для нас эти обследования. В руки мне вкладывают синие салфетки, я промокаю заплаканные глаза. Врач вытирает гель у меня в промежности, и я тщетно прошу, чтобы провели еще одно обследование.

Но вскоре слышатся хлюпающие глухие удары – стук сердцебиения, на экране мечутся волнистые синие линии. Дэниэл ничего не говорит, но я вижу, что грудь его будто сдулась – признак того, что он затаил дыхание. Врач поворачивается к нам, и по морщинкам вокруг ее глаз я понимаю, что она улыбается, хотя ее нос и рот скрывает маска.

– Сердцебиение уверенное. Ребенок крепкий.

Такое ощущение, будто распахнули окно. Все мышцы в моем теле расслабляются.

Узистка начинает перемещать зонд, объясняя нам смысл меняющихся на экране изображений. Велит мне не приподнимать бедра, и я стараюсь следовать ее указаниям. Наконец, удовлетворенная, она вытаскивает зонд и приступает к трансабдоминальному обследованию.

– Как вам известно, прежде у нас возникали... осложнения, – произносит врач. Ее слова лишены эмоций, согласные звуки она чеканит, будто режет скальпелем. Я зажмуриваюсь, но перед глазами все равно мелькают образы младенцев, которых я носила раньше. Веки, похожие на створки плоских стручков. Формы головок. Моя грудь вздымается, пульс учащается, лицо пылает. Дэниэл крепче стискивает мою руку, и я понимаю, что ему тоже тяжело. – На этот раз мы просто проявляем излишнюю осторожность, да? Проверяем все.

Я киваю, и мы оба ждем, наблюдая за действиями врача. Она перемещает датчик на животе, глядя на экран, и затем делает записи.

– Так-так, положение плода классическое. Вот, посмотрите.

Мы оба зачарованно смотрим на мерцающий монитор. И вон он, наш ребенок – настоящий, с ручками, ножками, крошечным носиком.

– О боже, Хелен, – выдыхает Дэниэл. Я слышу улыбку в его голосе, но понимаю, что сама не в силах оторвать глаз от изображения нашего сына, от его непропорционально большой головы, скрюченного тельца, которому еще предстоит расти. Целых четырнадцать недель.

– Это пуповина. Вот здесь, видите? А это плацента,

На экране пульсируют синие и красные пятна – кровообращение.

– Та-ак. Сердце в норме, легкие хорошие. Спинальный мозг в норме. Сейчас определим толщину воротникового пространства... на первый взгляд в норме.

Иногда на экране мелькает нос или ручка – нечто человеческое, и мы с Дэниэлом, переглянувшись, вновь приклеиваемся глазами к монитору. Оба издаем одинаковые звуки – нечто

между нервным смехом и возгласами удивления. Потом датчик смещается, высвечивая другие контуры. Контуры, напоминающие то ли человека, то ли рептилию.

– Все замечательно. Ребенок – само совершенство, – объявляет врач. Маска приглушает ее голос. Я закрываю глаза, приберегая ее слова на потом, как монеты в кошельке. Мой малыш здоров. У него никаких проблем. Само совершенство.

Узистка снова берется за датчик, аккуратно сдвигает его к моему бедру. На экране появляется рука.

– Видите? Малыш машет.

Я смотрю на Дэниэла и улыбаюсь, видя его зачарованное лицо. Он опять сжимает мою руку, но глаз от экрана не отрывает. Образ ребенка отражается в стеклах его очков – двух освещенных черно-синих квадратах. Врач включает свет и дает мне салфетки.

– На сегодня все. Снимок я вам распечатаю.

Я опять обращаю взгляд на мужа. Он по-прежнему смотрит на экран, и все его лицо залито слезами.

– Бог мой, Дэниэл, – со смехом замечаю я, – ты еще хуже, чем я.

Он будто и не слышит меня. Его глаза прикованы к застывшей рамке на мониторе, в которую заключена крохотная ладошка. Врач выключает экран, изображение исчезает, но мой муж продолжает смотреть на серый монитор.

– Дэниэл? Что с тобой?

Он роняет голову в ладони, его плечи трясутся. Я обнимаю его одной рукой. Врач возвращается, останавливается перед нами, не зная, как себя вести. Одну за другой с треском снимает латексные перчатки. Поглядывает на часы. У нее на очереди следующая пара.

– Дэниэл? Очнись, нам пора.

Я глажу мужа по спине, наклоняю голову, пытаюсь поймать его взгляд. Но он все равно никак не может остановиться.

Гринвич-парк

В Гринвич-парке есть старинные дворовые арки. Он заметил их еще в первый раз, как пришел сюда. Даже когда светит луна, они прячутся в тени. Ночью он идет через парк, мимо череды скрюченных деревьев, склоненных на одну сторону ветром, что беснуется на холме. Его длинная тень вьется на асфальтированных дорожках, которые расчерчивают газоны крест-накрест. Она вынуждает его выслеживать ее, по запаху горячей крови.

Ей нравятся арки. Переулки. Стены, увитые плющом, мокрым от дождя. Задние фасады церквей. Даже кладбище с могильными камнями, выстроившимися в ряд вдоль тропинки. Темные холодные укромные уголки, где она одна источает тепло. Она хватается за него, крепко. Они быстро двигаются, на четвереньках или по стеночке. Кусаются, царапаются, ногтями впиваются друг другу в запястья. По завершении она хватается ртом за воздух, будто тонет, и в тот момент он не чувствует себя ни старым, ни молодым, ни богатым, ни бедным. Даже не чувствует себя самим собой. Он просто существует, бодрствует в темноте. Животное. Полное жизненных сил.

Хочет ли он, чтобы их разоблачили? А она? Он не уверен. Бог знает чего она хочет. Сам он жаждет только этого ощущения – ощущения, что он падает. Если упадет на землю – умрет. Но пока падает, он живой до кончиков ногтей.

Порой он думает, как бы обошелся без этого. Как бы он существовал? Трудно сказать. Он не уверен, что смог бы дышать, если бы не знал, что все это случится снова.

Срок: 27 недель

Хелен

Пока мы оба ходили на работу, это не имело значения. Но теперь, когда я вынуждена сидеть дома, ремонт все больше и больше действует мне на нервы. Мое терпение на исходе, требушится, как истрепанный подол. С каждой новой напастью из него вылезает очередная ниточка.

Идея реконструкции дома принадлежала Дэниэлу. Поначалу я сомневалась, что нам это нужно: наш дом нравится мне таким, какой он есть. Вокруг разбит сад, который любила мама. В саду благоухают цветы: наперстянка, живокость, плетистые розы. Согласна, ванная на нижнем этаже – это прошлый век, равно как относительно небольшие кухня, кладовая, столовая и гостиная, занимающие отдельные помещения. Но для старинных домов, как наш, это типичная планировка. Прежде меня это никогда не напрягало. Да и потом, кто ж позволит сносить стены в доме, который входит в перечень зданий, представляющих историко-архитектурную ценность?

В конечном итоге Дэниэл убедил меня: с появлением детей, объяснил он, нам понадобится просторная современная гостиная – открытой планировки, чтобы малышам было где побегать, с хорошим естественным освещением, которое обеспечит стеклянный потолок. Дэниэл понимал, что чиновники из «Английского наследия»² не разрешат нам перекроить старинный дом или расширить его с задней стороны, добавив к нему современную пристройку. Но им понравилась его идея «подземного двора» – огромной гостиной-столовой типа студии с островком ультрасовременной кухни посередине. Особенно с учетом того, что с земли, кроме огромного потолочного окна на месте патио, практически ничего не будет видно. С одной стороны от центрального «двора» разместятся винный погребок и прачечная, с другой – кабинет Дэниэла. Из нашего прежнего подвала наверх поднимется новая лестница, ее площадка будет находиться на месте бывшей ванной.

Проект переустройства дома – мечта Дэниэла, и я не хочу постоянно наказывать его за это. Я ведь вижу, что он морщится, когда замечает, как я, нагнувшись, стираю пыль с новой переносной кровати для малыша, которая совсем не отличается дешевизной и сейчас занимает почетное место в холле. Или как я тягаю наверх чайники с кипятком, чтобы приготовить ванну, поскольку воду отключили. Но с каждым днем беременности я прибавляю в весе, живот растет, и мне все труднее мириться с мелкими неудобствами, которые, наслаиваясь одно на другое, делают мое существование невыносимым. Всюду отвратительная грязь. Постоянное присутствие в доме чужих людей. Рев перфоратора, от которого голова раскалывается. Порой я даже слышу его во сне. А пробуждаясь, понимаю, что шум мне не приснился, что ремонт продолжается.

Я сказала Дэниэлу: меня беспокоит, что, уйдя рано в декретный отпуск, я обречена многие недели торчать дома одна. А он тогда закатил глаза и, набив рот тостом, рассмеялся:

– Ой, да ладно тебе, Хелен. Это же здорово! Телик смотри не хочу целый день, ешь печенье.

Потом, увидев мое лицо, он перестал жевать и положил руку поверх моей.

– Прости, любимая. Я поговорю с ремонтниками, хорошо? Они постараются меньше шуметь и пачкать.

² «Английское наследие» (English Heritage) – государственная организация, занимающаяся охраной исторических памятников, старинных домов и т. п., особенно как объектов массового туризма. Создана в 1984 г.

Да, постараются, как же!

На следующее занятие для беременных я опять отправляюсь с головной болью, вызванной визгом и тархтением сверла. Боль дикая, словно голову сжимают с двух сторон, выдавливая мозги и глаза. Прихожу рано. Грузно опускаюсь за столик у двери, чтобы перевести дух.

– Хелен! Ты уже здесь!

Это Рейчел. Она стоит у бара. На ней короткое джинсовое платье-халат, явно не для беременных: пуговицы на животе едва не расстегиваются. На ногах у нее шлепанцы цвета лайма. Она подходит к моему столику и усаживается, не удосужившись спросить разрешения. В руках у нее два бокала с апельсиновым соком. Вблизи я вижу, что она неправильно нанесла на щеки румяна, отчего ее лицо кажется перекошенным, как криво повешенная картина.

– Вот наконец и твой апельсиновый сок. Ха-ха! Всего лишь с недельным запозданием. Смотри, я тоже сок пью. Как порядочная женщина. Не бойся, я ничего не подсыпала!

Я слегка улыбаюсь, беру у нее бокал. Он липкий, будто его долго держали в руке.

– Спасибо, ты очень любезна.

– Ну а как вообще дела, ягодка? Как поживает ваш мега-подвал? – Она кладет руки на стол и приближает ко мне свое лицо. Кажется, что оно полнится неподдельной искренностью, словно ее и впрямь интересует, как продвигается наш ремонт. Я не отвечаю, и улыбка на губах Рейчел гаснет.

– Что случилось? – спрашивает она, склонив голову. – Почему Дэниэла опять нет?

Я смотрю на бокал с соком, потом на Рейчел и, к своему ужасу, чувствую, как под ее участливым взглядом у меня сдавливает горло и глаза обжигают слезы.

– Хелен? – хмурится она. – Что стряслось?

– Извини... просто... просто...

Хлынувших слез уже не остановить. Я содрогаюсь от рыданий, пряча в ладонях горячее мокрое лицо. Понимаю, что устраиваю сцену, но успокоиться не могу.

Не думаю, что до сей минуты я в полной мере осознавала, как сильно расстроена из-за мужа. Поначалу он пытался прикрываться работой. Говорил, что держит оборону, защищая проект, который рискует провалиться. Почему он один? Да потому что, по словам Рори, они с Сереной решили устроить себе небольшой отпуск, «медовый месяц для будущего ребенка». Дэниэлу и в восемь-то часов трудно вырваться с работы, а уж успеть к шести на курсы... Об этом вообще не может быть речи.

– Я проштудирую справочники, – заверил меня Дэниэл, отводя глаза. – Все выучу, клянусь. А вообще нужны нам эти курсы?

Тогда-то до меня и дошло. Он вообще не желает посещать занятия для будущих родителей.

– В работе ли дело?

Я смотрела на Дэниэла, а он, по-прежнему избегая моего взгляда, вертел в руках часы. И тогда мне вспомнились слова психолога о том, что мы с ним скорбим по-разному. Она объяснила мне, что Дэниэл горюет не меньше меня – просто по-другому. Я этого долго не понимала. Мое горе – саднящее, неистовое, душераздирающее – часто вырывается из меня. Неуемное, лихорадочное, алчное, оно делает меня нетерпеливой, заставляет цепляться за надежду, за беременность, за предчувствие рождения ребенка, за ожидание исцеления. У Дэниэла – все по-другому. Нечто вроде паралича сердца. Это вынуждает его замыкаться в себе. Он боится надеяться, планировать, верить в будущее.

А потом я вспомнила, как он все выходные собирал детскую мебель, ползал по дому на четвереньках, затыкая розетки, настраивал «радионяню», которую мы купили. Как он безропотно отправился на почту за огромной подушкой для кормления, что я заказала, и принес домой чипсы из креветок, когда я упомянула, что очень их хочу.

Но для меня все это звенья одной цепи. В том числе посещение курсов, где их участницы сидят полукругом и говорят о раскрытии матки, как и все супруги, впервые готовящиеся стать родителями. Подобно другим мамочкам, я хочу рассказывать о том забавные истории. Но Дэниэл, по-видимому, не понимает, как сказывается на мне то, что я должна делать в одиночку все, связанное с рождением ребенка, потому что для него самого это невыносимо.

А Рейчел умеет слушать – сочувственно внимает мне, широко раскрыв глаза и кивая, словно заводная собачка.

– Прости, – извиняюсь я. Качая головой, ищу в сумке салфетку. – Безобразие. Разревелась как дура.

– Вовсе нет, – возражает Рейчел. – Я бы тоже расстроилась.

Из-под бокала с соком она вытаскивает салфетку и дает мне. Я беру ее с благодарностью, хотя салфетка бумажная и липкая от сока.

Сморкаясь, я замечаю, что к лестнице направляются еще две мамочки со своими супругами. Увидев мое заплаканное лицо, они отворачиваются и ускоряют шаг. Я чувствую, что мои щеки покрываются румянцем. Рейчел кладет ладонь мне на руку.

– Может, все-таки сдобрить твой напиток чем-нибудь покрепче?

Я смеюсь, вытирая глаза. Давно я так не смеялась!

– Идем, – с улыбкой говорит Рейчел, показывая на лестницу в глубине паба. – А то пропустим все самое интересное.

Занятие начинается. Соня велит нам подготовиться к выполнению «упражнений на дыхание» вместе с партнерами, и я, к своему удивлению, бесконечно обрадована, что рядом со мной Рейчел. Я опускаюсь на деревянный пол и встаю на четвереньки, подложив под колени одну из грязных подушек с радужным принтом, что выдала нам Соня. Рейчел должна гладить меня по спине и подбадривать, напоминая, когда делать вдох, а когда – выдох во время «приливов», как выражается Соня, говоря о мучительной боли, которую нам всем, мы знаем, суждено испытать.

Соня расхаживает между нами, жестикулирует, вращает кистями рук, проводя сравнение с волнами, набегаящими на берег, с лентой, разматывающейся вокруг матки. Остальные женщины, стоя на четвереньках, вытягивают шеи, чтобы не пропустить ни слова. Голос Сони тонет в комментариях Рейчел.

– Молодчина, Хелен! – кричит она, шлепая себя по ногам. – Так держать! Сконцентрируйся. Выталкивай, Хелен! Выталкивай. О боже, головку видно! – Она разражается смехом. Кто-то из женщин досадливо фыркает.

К концу занятия, на котором напоследок с помощью конструктора «Плеймобил» нам демонстрируют операцию кесарево сечение – зрелище из разряда сюр, я вдруг понимаю, что безумно благодарна Рейчел за поддержку. Я восхищаюсь ею. Она оптимистка до мозга костей. Разве я на ее месте сумела бы сохранить бодрость духа? Совершенно очевидно, что отец ее ребенка куда-то испарился, хотя ничего определенного по этому поводу Рейчел не говорила. А ведь она так молода. Я ни за что не решилась бы рожать без мужа. Правда, от моего супруга в последнее время проку не много, но я плохо представляю, что стала бы делать, не будь у меня Дэниэла.

Рейчел встает, надевает кофту, натягивает ее на животе и застегивает.

– В паб? – весело предлагает она. – То есть мы и так, конечно, в пабе... но, может, спустимся, выпьем чего-нибудь? – Она смеется. – Пустимся во все тяжкие, опрокинем еще по соку. Поднимем себе уровень витаминов выше крыши!

Я смотрю на часы. Восемь вечера. Дэниэл скоро будет дома. Я перевожу взгляд на лицо Рейчел и думаю, что было бы невежливо ей отказать. Тем более что ее, предположительно, дома никто не ждет.

Я улыбаюсь в ответ, пожимая плечами:

– Почему бы нет?

Гринвич-парк

Под сенью платана девушка достает из сумки конверт, изучает его содержимое.

Он наблюдает в бинокль. И будет наблюдать, пока она не уйдет, не превратится в точку, в крошечную крапинку на полотне его поля зрения. Только тогда он разожмет кулаки, и пульс его замедлится.

Под открытым небом, на тропинке, ведущей к Темзе, он чувствует себя лучше. С реки дует ветер. Запах соли, серо-зеленая зыбь, черные глаза морских птиц, хлопья пены и мусор на воде. Раскаленный параплет вдоль Темзы.

Он отворачивается от реки, идет в парк. За спиной у него чайки с криком дерутся за добычу.

Ему хочется думать, что это конец. Лучше бы это был конец. Но его гложут сомнения. В глубине души он уверен, что это только начало.

Срок: 28 недель

Кэти

На улице дождь. Серый пол в вестибюле здания Кембриджского королевского суда истоптан мокрой обувью. Я стою в очереди на досмотр. Передо мной три человека. Ожидая, я чувствую, что сквозь тонкую подошву моих дешевых туфель сочится сырость.

Когда я прохожу через металлодетектор, он звенит.

– Простите, часы забыла снять, – извиняюсь я. – Вот, посмотрите. С вашего позволения, я всего лишь...

Полногрудая женщина в форме сотрудников Службы обеспечения безопасности работы судов игнорирует мои слова.

– Руки в стороны, пожалуйста, – велит она, подступая ко мне.

Портативным металлодетектором женщина водит вдоль моих рук, ног, груди. Потом подходит ближе и принимается ощупывать мой ворот, пояс, карманы брюк. Мы стараемся не смотреть друг на друга.

Репортеры из других газет опережают меня. Они уже заходят в лифт, двери за ними закрываются. Я должна бы быть там с ними. Галерея для прессы будет набита битком. Я переступаю с ноги на ногу. Еще один охранник расстегивает мой рюкзак, достает из него косметичку.

– Откройте, пожалуйста, – требует он, не глядя на меня.

Улыбаясь, с торопливой услужливостью я тяну за язычок молнии. Двумя толстыми пальцами он принимается перебирать содержимое косметички. Я смотрю на часы. На пол падает тушь для ресниц, следом – упаковка таблеток от головной боли.

Когда я наконец добираюсь до зала заседаний № 3, на галерее для прессы уже не толкнуться. Но мне, по счастью, удастся сесть. Адвокаты, в черных одеяниях с белыми воротничками, уже на месте, их подзащитные – на скамье подсудимых. Я внимательно рассматриваю и тех, и других. Дорогие строгие костюмы, темные галстуки, приглаженные волосы, чопорные позы. По обе стороны от них – охранники из фирмы «G4S»³. Вид у всех скупающий, один, кажется, вот-вот заснет.

На галерее для публики мать одного из подсудимых с воспаленными глазами тискает в дрожащих руках измятую салфетку. У его отца, что сидит рядом с ней, лицо хмурое; пальцами одной руки он впицается в колено. Это, скорее всего, граф, определяю я, а не бывший министр сельского хозяйства. На представителей прессы он смотрит с едва скрываемой яростью.

После стандартного «Встать, суд идет» в зал входит судья в длинной красной мантии с оторочкой из пушистого белого меха на рукавах. На ней также пожелтевший парик и очки в черной оправе. Стены вокруг нас облицованы панелями под дерево. Освещение искусственное: окон нет.

– На рассмотрение суда представлен иск Ее Величества Королевы против господ Тоби Летвина и Роланда Бартоломью, – объявляет секретарь.

Передо мной сидит Саймон, сотрудник агентства «Пресс ассосиэйшн». Я трогаю его за плечо и шепотом спрашиваю:

– У нас есть напутствие присяжным?

³ G4S PLC – транснациональная компания по оказанию услуг в сфере безопасности. Штаб квартира в г. Кроли (Великобритания). Была основана в 2004 г. в результате слияния британской и датской компаний «Securicor PLC» и «Group 4 Falck».

Закатив глаза, он достает из блокнота сложенный листок бумаги и передает его мне, словно школьник – записку.

– Тоби Летвин, в соответствии со статьей 1 Закона о преступлениях на сексуальной почве, принятого в 1956 году, вы обвиняетесь в том, что 14 октября 2017 года вместе с Рональдом Бартоломью совершили насильственные действия в отношении Эмили Оливер в доме № 22 по Грин-стрит в Кембридже. Вы признаете себя виновным?

– Нет, не признаю.

Секретарь зачитывает обвинение, я притворяюсь, будто делаю записи, а сама на галерее для публики высматриваю следователя. Я уверена, он должен быть где-то в зале.

В конце концов нахожу его взглядом. Он сидит на заднем ряду, на удалении от родственников обвиняемых. Он сейчас не на службе, на нем не форма, а строгий деловой костюм. На протяжении всей речи секретаря выражение его лица остается неизменным, но когда обвиняемый отказывается признать свою вину, черты его суровеют.

Прокурор обосновывает выдвинутое обвинение. При полнейшей тишине в зале. Мы узнаем о пьяной оргии, о переписке в соцсетях, о девушках, сексе и хвастовстве. А потом нам рассказывают о том, что представляет кошмар для женщин, – о ДНК, что соскребли с простыней и из влагиалища, о побоях и рвоте, о стуке в соседнюю дверь поздно ночью. О босой незнакомке, слезно умоляющей о помощи.

По окончании заседания я не свожу глаз со следователя. Спешу поскорее выбраться с галереи и иду за ним. На мгновение теряю его из виду, и меня охватывает беспокойство: вдруг он уже ушел? Но потом вижу, как он удаляется по коридору. Звук его шагов эхом ricochetтит от высоких потолков.

– Инспектор Картер?

Он останавливается, медленно поворачивается, окидывает меня взглядом.

– Кэти Уиллер, полагаю? – произносит он.

– Собственной персоной, – довольно улыбаюсь я.

– Так и знал, что это вы сверлили меня взглядом с галереи для прессы. – Тон у него суровый, но чувствуется, что он сдерживает улыбку. – Надеюсь, вам известно, что преследование квалифицируется законом как преступление?

– Не обессудьте. Просто, как я и написала в своем сообщении...

– В сообщениях.

– Да, вы правы. В сообщениях... М-м... Я рассчитывала, что вы согласитесь со мной поговорить. Меня интересует предыстория этого дела.

Он собирается что-то сказать и осекается, заметив идущего мимо еще одного репортера. Тот подозрительно косится на меня.

– Кэти, – Картер понижает голос, – вы же знаете, что обязаны получать информацию только через пресс-службу, как и все остальные.

Знаю. Теоретически. Но я навела справки – порасспрашивала Криса, репортера криминальной хроники. И мне теперь известно, что старший инспектор Марк Картер – представитель старой школы и иногда не прочь поболтать с журналистами. Он тридцать лет оттрубил в полиции графства Кембридж и вскоре по завершении данного дела должен выйти на пенсию.

– Окажите любезность! – умоляю я, отчаянно надеясь, что сумела придать голосу чарующие интонации. – Всего пару малюсеньких вопросов? Разумеется, до окончания суда я о полученной информации ни гу-гу. И, конечно же, это не для печати.

Инспектор не отвечает, но и не дает мне от ворот поворот. Через плечо он бросает взгляд на дверь с табличкой «ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ОТДЫХА».

– Кофе там ужасный, – добавляю я.

Смеясь, он поводит глазами, тихо произносит:

– Хорошо, ваша взяла. «Коста». За углом. Столик на нижнем этаже. Пятнадцать минут. Не больше.

В конечном итоге много он не выдал, но то, что сообщил, заполнило некоторые пробелы. Как я и подозревала, полиция и сторона обвинения очень нервничают из-за этого судебного процесса. Жертву уже очернили в соцсетях – вероятно, друзья обвиняемых постарались, по мнению инспектора Картера. Он также считает, что подсудимые и их богатые родственники негласно поддерживают клеветническую кампанию против девушки, но доказательств у него нет. Даже поговаривают, что отцы обвиняемых назначили солидную сумму за предоставление любой информации, порочащей жертву.

Тем временем девушке уже дважды пришлось сменить фамилию из-за того, что ее ославили на весь Интернет. Жертву насилия, ради ее же собственной безопасности, пришлось перевезти в другой район, где она лишена возможности пользоваться поддержкой родных. Слова инспектора наводят меня на мысль, что она предприняла попытку самоубийства.

– Надеюсь, вы будете осторожны в своих действиях, – твердо говорит инспектор, палочкой помешивая кофе. Затем бросает взгляд на мой блокнот. – До окончания рассмотрения дела эти сведения не подлежат огласке, и на меня ссылаться нельзя. Никаких цитат.

– А если я просто укажу «источник, близкий к...».

– Нет.

Он переводит взгляд на чашку с кофе. Я молчу, прикидывая, стоит ли еще раз попытаться счастья. Спустя несколько мгновений по столу придвигаю к нему запечатанный конверт – письмо, что я написала минувшим вечером.

– Может, попробуете передать это потерпевшей?

Инспектор Картер поднимает глаза, смотрит на конверт.

– Кэти, – чуть ли не со смехом отвечает он, – на вашем месте я бы не рассчитывал.

– Знаю. Но вдруг у вас будет такая возможность. Нам хотелось бы побеседовать с ней. Услышать ее версию.

Картер вздыхает. Наверняка не я первая прошу его об этом. Но все же он берет конверт, убирает его в карман пиджака. Потом вытирает рот.

– Все, мне пора.

Я встаю.

– Большое спасибо. Можно попросить у вас визитку? Может быть... мобильный телефон? На всякий случай.

Поведя глазами, он лезет за пазуху и двумя пальцами извлекает оттуда визитку.

– Это только для вас. – Он буравит меня голубыми глазами, постукивая карточкой по столу. – А не для всей вашей братии. Ясно?

– Разумеется, – расплываюсь я в улыбке. – Спасибо.

– И не подходите ко мне в суде. Не хватало еще, чтобы моим делом занимался весь белый свет.

– Поняла. – Я верчу в руках его визитку из плотной ламинированной бумаги. Он берет со спинки стула пальто, накидывает его на свои широкие плечи. – Спасибо, что согласились встретиться со мной, – лепечу я. – Правда, я вам очень благодарна. И знаете... Удачи вам. – Инспектор пытливо смотрит на меня. Может, я что-то не то ляпнула? – То есть... я знаю, что дела, которые вы расследуете, каверзные, – быстро добавляю я. – И не всегда можно добиться справедливого результата.

Инспектор Картер морщится, ладонью потирая затылок. Волосы у него с проседью.

– Да, Кэти, – подтверждает он. – Не всегда.

Хелен

Для сентября погода стоит теплая. На деревьях все еще мерцает зеленая листва. Я иду через парк, по тихим улицам близ Ройял-Хилл. Рейчел сидит перед пабом за одним из крашенных деревянных столов, на которых обычно не просыхает пиво. Навес над головой украшают гирлянды белых ярмарочных лампочек.

Когда Рейчел предложила встретиться сегодня, я сочла, что ничего плохого в том нет. Никаких других планов на этот день я не строила. Я подумываю о том, как уговорить ее на этот раз не засиживаться в пабе. Мы могли бы выпить по бокалу лимонада, а затем прогуляться до обсерватории или походить по магазинам детских товаров возле рынка. Тогда в выходные за ужином с Сереной и Рори мне было бы что рассказать.

Народу в пабе много. Заметив меня, Рейчел широко улыбается и жестом предупреждает, что пойдет в бар за напитками. Свою сумку она оставляет на столе, чтобы никто не занял наше место. Я опускаюсь на деревянную скамью, достаю из сумки салфетку и вытираю стол.

Ожидая возвращения Рейчел, я скольжу взглядом по антикварным лавкам на противоположной стороне улицы. В них продают огромные старинные судовые фонари на деревянных и металлических треногах. Некоторые, с рукописными ценниками на шнурках, обвязанных вокруг их горловин, выставлены на тротуар. В Гринвиче много необычных вещей, подобных этим. Они сохранились с тех времен, когда водный транспорт играл очень важную роль. Сейчас такое трудно даже представить. Ныне это все коллекционные вещи; потускневшая бронза, медь или хром – не более чем причудливый изыск в интерьерах помещений любителей старины. В кабинете Серены стоит похожий фонарь, и прежде я им восхищалась. А сейчас, глядя на судовые фонари, я понимаю, что они мне не очень нравятся. Чем-то напоминают звездолеты. Одноглазые, таращатся на нас с другой стороны улицы, словно внеземные существа.

От стойки бара возвращается Рейчел. Мне она приносит апельсиновый сок и лимонад, себе взяла пинту пива.

– Источник минералов, – заявляет она. Потом, взглянув на мое лицо, быстро добавляет: – Я отопью всего несколько глотков.

Она небрежно ставит бокал на стол; на его пропитанную пивом деревянную поверхность выплескивается пена.

По небу наперегонки бегут облака. Солнце исчезает за ними, потом снова появляется. Я смежаю веки, подставляя лицо солнечным лучам. Они уже не очень теплые. Мы пропустили лучшую часть дня. Но я все равно рада, что выбралась из дома.

– Ну, чем ты занимаешься, ягодка? Помимо того, что делаешь упражнения на дыхание, – интересуется Рейчел и кладет на стол, рядом с бокалом, свой телефон. Окунает в пиво мизинец, слизывает с пальца пену.

– Да так, то одним, то другим.

В действительности я фактически прозябаю в безделье. Бесцельно брожу по дому, придумывая себе занятия. Перебрала все шкафы в спальне, наморозила полуфабрикатов. Читаю книжки о материнстве, испытала молокоотсос. Я уже изнываю от скуки. А впереди еще почти три месяца.

Я пытаюсь организовывать встречи с друзьями и знакомыми, но все мои предложения их, по-видимому, не устраивают. Никто из моих коллег в рекламном агентстве, где я работаю, не отозвался на мой клич выпить вместе кофе, хотя все заверяли, что будут на связи. Их жизнь наполнена совещаниями, деловыми встречами, посиделками в пабах после рабочего дня, куда меня перестали приглашать почти сразу, как стал замечен мой живот. Есть еще Кэти, но она вечно занята своей газетой. Серена в отъезде. Я даже подумывала о том, чтобы связаться с младшим братом, Чарли. Казалось бы, сейчас самое время восстановить с ним былые близкие

отношения. Но потом я представила, со сколькими трудностями это сопряжено... садиться на поезд, ехать аж в Хакни... К тому же Чарли, по сути, ведет ночной образ жизни. Он работает диджеем, считая, что это настоящая профессия, и из постели выбирается не раньше трех часов дня, чтобы успеть забрать из школы дочку Руби. И получается, что всегда свободна одна только Рейчел.

Сейчас она похлопывает себя по джинсовой куртке: сначала по нагрудным карманам, потом по нижним, как при досмотре в аэропорту. До меня не сразу доходит, что она ищет сигареты. Наконец Рейчел находит пачку, а вместе с ней – и пластмассовую зажигалку, с одной стороны украшенную рисунком в виде зеленого листика конопли, с другой – карикатурным портретом Боба Марли. Большим пальцем она высекает желто-голубое пламя и искоса смотрит на меня. Я силюсь сохранять невозмутимость, но все равно украдкой поглядываю по сторонам, надеясь, что здесь не появятся мои бывшие коллеги по работе.

– Блин, я знаю, что нельзя, – оправдывается Рейчел, увидев мое лицо. Она взмахивает неприкуренной сигаретой. – И теперь курю гораздо меньше. Честно. Скоро совсем брошу. Но когда сидишь в пабе, трудно отказать себе в удовольствии.

Она прикуривает сигарету, прикрывая огонь своей маленькой ладошкой, затем глубоко затягивается и выдыхает струйку дыма в сторону от меня. При этом лицо ее перекашивается. Но я все равно немного отклоняюсь назад.

– Ты когда-нибудь курила?

– Нет.

– Молодец, – кивает Рейчел, закрывая глаза. И делает очередную затяжку.

Продавец антикварной лавки убирает с тротуара фонари. Их хромовые веки опускаются. Они звякают от соприкосновения одного с другим, когда он заносит их в магазин. Вдалеке бьют колокола церкви Святого Альфега; на дальнем краю парка шелестит листва. Солнце спряталось за толстой пеленой облаков. Я плотнее укутываюсь в кардиган.

Рейчел курит, приспустив веки. Внезапно глаза у нее широко распахиваются, как у куклы.

– Слушай, а Расскажи-ка еще про Рори и Серену, – просит она, произнося их имена в одно слово, будто название какого-то телешоу.

– Ну, как я уже тебе говорила, Рори работает вместе с Дэниэлом, – начинаю я. – Видела, наверное высотное здание из стекла на берегу реки, за «Трафальгар армз»? Оно возведено по их проекту. – Я показываю в сторону рынка и реки – неопределенным жестом, поскольку отсюда его не видно.

Это сооружение – объект ненависти газетчиков. Масштабный проект реновации: на месте снесенного старого социального жилья строятся дома с роскошными дорогими квартирами. Его критиковали «Ивнинг стандарт», «Гардиан» и местные газеты, бормотавшие что-то о социальной зачистке и использовании иностранных денег. «Бригада хранителей лондонского дерьма», как окрестил их Рори.

На каком-то этапе даже ходили слухи об акции протеста: Лиза, секретарь, почерпнула это в соцсетях – в «Твиттере» или «Фейсбуке». Она распечатала информацию и, не комментируя, положила ее на стол Дэниэлу. О проведении так называемого марша против джентрификации. «Бунтовщики и извращенцы», – пробормотал Рори. Однако заказчика пришлось уведомить. Теперь вокруг сооружения усилили охрану. Верзилы с бычьими шеями в черных поло патрулируют периметр, подобно вышибалам из ночного клуба. У каждого на поясе трещит рация.

– А она кто? Серена? Она ведь фотограф, да? – Рейчел выдыхает очередной клуб дыма. Солнце скрывается за облаками.

Я хмурюсь. Разве я говорила ей, что Серена – фотограф? Должно быть, говорила, хотя сама этого не помню.

– Да. Фотография – увлечение всей ее жизни. – Я краснею, осознав, что процитировала строчку с сайта Серены. И убеждаю себя, что Рейчел этого не узнает. – У нее своя студия, на другой стороне парка.

Рейчел в задумчивости кивает.

– А Рори? Он рад, что скоро станет отцом?

Ее вопрос застает меня врасплох: я сосредоточена на том, чтобы не попасть под струю выдыхаемого ею дыма. Затрудняясь ответить, ставлю бокал на стол. Конечно, он рад. Что она имеет в виду?

– Ну, то есть... – Рейчел описывает в воздухе круги сигаретой. – На днях ты рассказывала, что Дэниэл мебель детскую собирал и как он расчувствовался в клинике, когда тебе делали УЗИ. А он тоже рад? Рори?

Теперь она вертит в руке зажигалку, как кирпичик в «Тетрисе», который никак не встает на место.

– Думаю, они оба рады.

Рейчел опускает глаза и, утыкаясь взглядом в кремовую поверхность пива в своем бокале, ритмично постукивает сигаретой по краю серебристой пепельницы. Будто задумалась о чем-то своем. Возможно, об отце своего ребенка. Пока я пытаюсь сформулировать вопрос, Рейчел снимает очки и сама отвечает на него, словно прочитав мои мысли:

– Это не была просто случайная связь. – Она, вскидывает подбородок и, шурясь на солнце, смотрит мне прямо в лицо.

– Да я не... Ничего такого я и не думала...

– Ну да, конечно, – мрачно произносит Рейчел, снова опуская глаза. – Я любила его. Отца ребенка. Просто, знаешь... Не сложилось.

Она подносит сигарету к губам, глубоко затягивается и расправляет на столе пятерню с обкусанными ногтями. Снова принимается вертеть зажигалку, то ставя ее на основание, то укладывая на бок. Глаза ее, кажется, чуть покраснели, пальцы напряглись.

– Тебе плохо?

– Нет, все нормально, – бормочет она. – Извини.

Не зная, как быть, я накрываю ее ладонь своей. Рейчел смотрит на мою руку, и у меня мелькает мысль, что моя участливость слишком навязчива. В таких случаях можно и неверно оценить ситуацию. Но потом она поднимает голову, улыбается. В глазах ее как будто стоят слезы.

– Спасибо, Хелен.

Я смущенно улыбаюсь, не совсем понимая, за что она меня благодарит. Рейчел больше ничего не говорит. Во мне просыпается любопытство. Оно как зуд, как звон в ушах, от которого невозможно избавиться.

– Позволь узнать... что произошло?

Рейчел вытаскивает руку из-под моей ладони и начинает возиться с телефоном.

– Ну, знаешь, как бывает. Познакомились на работе. На одном музыкальном мероприятии. Я работала за стойкой бара. – Она пожимает плечами. – В общем, мы понравились друг другу. Беременеть я не собиралась. Естественно. Кому это надо?

Она смеется. Я силюсь выдавить улыбку, хотя чувствую, как челюсть напрягается, а нога под столом легонько дрожит.

– Я надеялась на серьезные отношения. Но, забеременев, узнала... – Большим пальцем Рейчел потирает указательный, словно просеивает слова, подбирая нужные. – Короче, он был не свободен.

Я киваю, надеясь, что мое лицо выражает сочувствие. Я искренне ей сочувствую. Многие женщины крутят романы с женатыми мужчинами. Она не первая и не последняя.

– И как он отреагировал? – как бы невзначай любопытствую я. – Когда ты сообщила ему про ребенка.

Рейчел печально улыбается:

– Он ничего не знает. – Вздыхнув, она стряхивает пепел с почти выкуренной сигареты и отодвигает от себя бокал с пивом. – Я давно его не видела. Просто... подумала, что так будет лучше.

– А ты не думаешь, что его следует поставить в известность? – нерешительно спрашиваю я. Она смотрит на меня серьезным взглядом. Затем медленно кивает:

– Возможно, так и поступлю. – Внезапно ее лицо светлеет. – Спасибо, Хелен. За то, что не осуждаешь., – Она делает последнюю затяжку, трубочкой вытягивая губы. – Для меня это много значит. Очень много.

Закрыв глаза, она выпускает дым и тушит окурочек.

– Что за глупости, – натянуто улыбаюсь я, стараясь не думать о том, что на самом деле я ее немного порицаю.

В тот вечер по возвращении домой я снова вижу тренировочные штаны Дэниэла на полиэтилене в коридоре, где ремонтники, готовясь рыть подвал, постоянно шастают с перфораторами и лопатами. В другое время это вызвало бы у меня раздражение – сколько раз я просила его не бросать свои вещи где попало! Но сегодня, вместо того чтобы разозлиться, я опять думаю, как же мне повезло, что я – не Рейчел. Как же я благодарна судьбе за то, что у меня есть любящий муж. Даже представить страшно, чтобы я, беременная, приходила в пустой дом. При этой мысли я содрогаюсь.

Убираю обувь Дэниэла в стенной шкаф под лестницей и, засучив рукава, иду в кухню. Пока готовлю на ужин рыбу с жареными овощами, звонит наш домашний телефон. Я вытираю руки, беру трубку и подношу ее к уху, подпирая плечом.

– Алло?

Несколько секунд в трубке глухо, потом раздается щелчок соединения и слышится далекий-далекий голос:

– Миссис Торп, здравствуйте. Я звоню по поводу вашего заявления о перезалоге дома. Мы можем сейчас уточнить кое-что или мне позвонить позже?

– Простите?

– Вы намерены перезаложить свой дом. Мы готовим документы и хотели бы уточнить кое-какие детали.

Я хмурюсь. Перезаложить дом? Треск в трубке. Заминка. Наверняка какой-то «левый» колл-центр. Знаю я эти звонки.

– Простите, – холодно отвечаю я, – вы, должно быть, ошиблись номером. Мы не подавали заявку на переоформление закладной.

– Миссис Торп...

Качая головой, я кладу трубку на рычаг. После смерти моих родителей нам сюда часто звонят непонятные люди. Аферисты, пытающиеся выудить у нас информацию частного характера. Думаю, имя моей несчастной старенькой матушки когда-то внесли в так называемый «список простофиль». Она отвечала на все звонки. Дэниэл считает, что нам следует отключить стационарный телефон.

Я мою и убираю на место посуду, в которой готовила, до блеска вытираю рабочие поверхности, накрываю на стол. Мою пол. Вода в ведре становится черной от строительной пыли. Наконец порядок наведен, и я чувствую себя лучше. Грязную воду я выливаю во двор, затем ставлю музыку и распахиваю окна, чтобы проветрить.

На улице смеркается, за окнами темнеет, а Дэниэл все еще не вернулся домой. Он опять работает допоздна. Я проверяю сообщения в телефоне. Подумываю о том, чтобы позвонить Кэти и пригласить ее к себе. Но ужин уже готов, а она живет далеко. В любом случае, Кэти

наверняка занята с Чарли. Я сажусь за накрытый стол и ужинаю в одиночестве, вилкой отделяя от хребта мясо белой рыбы.

Срок: 29 недель

Серена

– Не припомню такого лета, – говорит Хелен. – Сегодня так тепло было, даже не верится! Вчетвером мы сидим во дворе. К вечеру стало прохладнее, но все еще очень тепло. Сидеть под открытым небом вполне комфортно. Ветер слабый, хотя обычно с этой стороны парка ветрено. Ребенок, уютно расположившись в моем чреве, затих, убаюканный покачиванием гамака.

Рори накладывает поленья в жаровню. Он стоит на коленях, словно молится. На лицо ему падают волосы. Дэниэл и Хелен сидят вместе на качелях. Я зажгла свечи в стеклянных фонарях «летучая мышь», ветви вишневого дерева опутала гирляндой. Деревянная терраса серебрится в их свете. Надо бы не забыть сделать снимок для «Инстаграма».

– А я жару люблю. По мне, так чем жарче, тем лучше, – отзывается Рори.

– Ну, тебе же беременность не грозит. – Хелен на качелях меняет позу. На ней длинное платье с цветочным узором. Оно укрывает ее огромный живот, как палатка. А он у нее сейчас уже больше, чем у меня, и вообще за время беременности она сильно раздалась. Ладони ее покоятся на животе; бледные толстые пальцы растопырены и напоминают морскую звезду. – А я устала от жары, – продолжает Хелен. – Дождик бы не помешал. Вы видели Гринвич-парк? Трава вся выгорела, пожухла.

– Ничего, новая вырастет, – бурчит Рори. – Не драматизируй, Хелен.

Я кладу прохладную ладонь на его плечо, намекая, чтобы он замолчал.

– Говорят, нам отпущено еще несколько теплых дней, – успокаиваю я мужа. – Вечерами, правда, холодает, да? Хелен, принести тебе одеяло?

Рори раздраженно вздыхает, закатывая глаза:

– Ради бога, ну вот скажи, на что ей одеяло?! В кои-то веки в нашей проклятой стране выдался теплый вечерок, хоть на свежем воздухе можно посидеть! Надо наслаждаться моментом! – произносит он таким тоном, словно мы все, остальные, портим ему удовольствие. – С сердитым выражением на лице Рори берет растопку и обращается ко мне: – Нужно ли вообще это разжигать?

– Нужно, – отвечаю я. – Огонь создает определенную атмосферу. К тому же твоя сестра замерзла.

При этих словах Дэниэл поднимает голову и моргает, глядя на меня сквозь стекла очков, будто он спал, а я его разбудила. Рядом с раздувшейся Хелен он выглядит сублимным; брюки и рубашка морщатся в тех местах, где ткань не облегает тело.

– Хелен, ты замерзла? – уточняет он у жены.

Та заверяет его, что ей не холодно, а сама плотнее закутывается в свой серый кардиган, будто это спасательный жилет. Дэниэл начинает снимать с себя пиджак, но я жестом его останавливаю:

– Не надо, я принесу одеяло. – Я встаю с гамака и иду в кухню. Там, оглянувшись на Рори, извлекаю ноутбук из-под газет, которыми прикрыла его некоторое время назад, когда муж вошел в комнату. Сев так, чтобы с террасы меня не было видно, я удаляю историю поиска. Это занимает всего секунду.

Сквозь стеклянные двери я смотрю на мужа и гостей. Из дома терраса похожа на плот, плывущий по спокойному темному морю. За качелями мерцают и переливаются огни большого города, словно некий иной мир на далеком берегу. Порой в Гринвиче чувствуешь себя как на другой планете.

Идея поселиться в Мейз-Хилл принадлежала Рори. Ориентиром для нашего дома служит громадный платан. Соседний отличает синяя именная табличка. Рори любит показывать на нее, сообщая всем и каждому, что некогда там жил знаменитый архитектор. Говорит он это таким тоном, что сразу становится ясно: он хочет, чтобы однажды и на его доме повесили подобную табличку.

На табличку мне плевать, а вот вид с балкона нашей спальни на верхнем этаже нравится. Вид на город впечатляет. С высоты кажется, будто он раскинулся на серебряном блюде. Строительные краны горделиво высятся на фоне стального неба, размеченного красными огоньками. Переливчатые закаты, свинцовый блеск Темзы. Сегодня я снова пыталась с балкона сфотографировать панораму для «Инстаграма». Хороший снимок никак не получается – из-за плохого света небо кажется тусклым, маленькие огоньки сливаются.

Я беру кашемировое одеяло и выхожу на террасу, аккуратно закрывая за собой дверь. Переступаю через ноги Дэниэла, чтобы подойти к Хелен. Он даже бровью не повел. Грызет фисташки без всякого видимого удовольствия. Держит орехи в ладони одной руки, что лежит на коленях, а второй счищает скорлупу и машинально сует их в рот, один за одним, безучастно глядя куда-то вдаль.

– По крайней мере, скоро должно стать попрохладнее, – произносит Хелен. – На днях, когда я встречалась с Рейчел, в парке так жарко было, что мне пришлось присесть в мемориальном садике, а то думала сознание потеряю!

Я почти на том же сроке, что и Хелен, но чувствую себя иначе. Мне не знакомы ни вялость, ни тяжесть, на которые жалуется Хелен. Напротив, ребенок заряжает меня энергией, подкрепляет мои силы. Она – мое тайное оружие, прочно обосновалась в моем чреве, под моей одеждой, даруя мне непередаваемые ощущения. Крепкая девочка: активно толкается, сердечко ее бьется уверенно. Ее неутомимость передается мне, и я с каждым днем становлюсь выносливее, здоровее. Она наполняет меня своей кровью, и я обрастаю новыми тканями. Хожу без усталости с наушниками в ушах. Мое либидо на высоте. Я чувствую, как мои маленькие груди наливаются, волосы делаются гуще, мышцы ног приобретают упругость и твердость.

Хелен и Дэниэл живут в нижней части парка, в доме, где Хелен с Рори выросли. После смерти родителей по завещанию Рори унаследовал компанию, Хелен – дом, а Чарли – по небольшой доле того и другого. Все остальное свое наследство он получил наличными – деньгами, которые теперь, как гласит молва, он успешно проматывает.

Когда кто-то выражает свое восхищение домом Хелен, а это бывает нередко, она неизменно отвечает: Дэниэл женился на ней только затем, чтобы заграбастать его своими алчными архитекторскими ручонками. Она, конечно, шутит. И, говоря это, неизменно стискивает руку мужа, как я заметила, а он ей с нежностью улыбается. Однако порой я думаю, что, возможно, в ее словах есть доля правды. Всего лишь зернышко, которого достаточно, чтобы шутка Хелен не казалась очень уж смешной.

– На днях, когда я встречалась с Рейчел, в парке было полно народу, – говорит Хелен.

Я заметила, что имя Рейчел она упоминает уже второй раз, явно стремясь разжечь мое любопытство. Хочет, чтобы я спросила, кто эта особа. Но я пока не готова заглотнуть наживку. Хелен меняет тактику:

– Переполненный парк всегда напоминает мне о летних месяцах в Кембридже. На траве ни одного свободного пятачка, все устраивают пикники.

– Трава ведь пожухла, – бормочет Рори.

– Не везде, – возражает Хелен, уязвленная его резким тоном.

Мы покинули Кембридж десять лет назад. Но Хелен по-прежнему, словно за костыль, цепляется за воспоминания о тех летних деньках. Не понимаю, зачем она постоянно поднимает эту тему, почему ей дорого то, что для нас давно утратило всякий интерес.

– Подумать только, десять лет прошло! Даже не верится! – Тоскливо вздохнув, она тербит брата: – Помнишь, как ты угнал лодку?

Рори бросает в огонь последнее полено и выпрямляется во весь рост, отряхивая руки о джинсы.

– Просто позаимствовал на время, – поправляет он. – И, если мне не изменяет память, помог мне в том Дэниэл.

Рори хлопает Дэниэла по плечу, проходя на свое место. Тот как смотрел тупо в пустоту, так и продолжает смотреть, даже не вздрогнул. Правда, через какое-то время приходит в себя, говорит:

– Не помню. – Он бросает в миску скорлупу от последней фисташки. – Мы много раз ходили на лодке.

Воцарившуюся тишину разбавляет треск огня в жаровне.

Я пытливо смотрю на лицо Дэниэла. Странное замечание. Хелен вечно на ум приходят какие-то вещи, которые мы давно позабыли. Каким же мусором забита ее голова! Порой она не прочь приукрасить, добавляя подробности, которых и в помине не было. Но тот день, я уверена, Дэниэл помнит. Это был идеальный летний денек, настолько идеальный, что начинаешь сомневаться в собственной памяти: то ли он и впрямь такой был, то ли ты видела нечто подобное на фотографии или в фильме, в более ярких красках.

Ребята стащили плоскодонку из университетского эллинга, хотя уж не помню зачем, мы вроде никуда не собирались. Они тогда сказали, что это сюрприз. После долгих недель, проведенных в тиши и затхлости библиотек и экзаменационных залов, прогулка по реке под ослепительно-голубым небом пьянила. Запах травы, растущей по берегам; чпоканье лодки, задевающей речное дно; отражения в воде. Парни гребли по очереди; мы с Хелен пили из бутылки дешевую шипучку, что они покупали для нас в университетском баре. Для нас с Хелен выпускные экзамены знаменовали завершение учебы в университете, а Рори и Дэниэла осенью ждала магистратура. Послеуниверситетская жизнь представлялась далекой точкой на горизонте, от которой нас отделяли восхитительно долгие летние месяцы.

Подвыпившие и облаканные солнечными лучами, мы хохотали над тощими ногами Дэниэла, над Рори, который так увлекся позированием без рубашки, что забыл пригнуться, когда мы проплывали под мостом, и едва не упал в реку. Потом он все-таки свалился, но быстро влез в лодку, столкнул в воду Дэниэла и разделся: Рори любил оголяться. Наконец мы все, поснимав с себя одежду, попрыгали в воду. Даже Хелен. Пьяные и оттого легкомысленные, мы плавали наперегонки. В какой-то момент Рори поднырнул под Хелен и посадил ее к себе на плечи. Она охнула от неожиданности. «Рори! Отпусти! Я думала, это Дэниэл!» – вскричала она. Мы наблюдали за Хелен с другой стороны. Вода была темная и студеная – не определить, кто к ней подплыл.

В тот день в общежитие мы вернулись позже, чем рассчитывали. От речной воды моя кожа была влажная и холодная, волосы выгорели на солнце. Даже Хелен утратила присущую ей бледность. Переодеваться мы и не подумали. На щеках Хелен проступили веснушки. Помнится, я увидела, как Дэниэл целует их, стоя в очереди, чтобы пройти в клуб. Зрелище это было настолько сокровенное, что я невольно отвела взгляд, испытывая странное чувство. Помнится, в тот вечер мы с Рори, едва добрались до его комнаты, без промедления – мне даже минута ожидания была невыносима – рухнули на его односпальную кровать и сплелись в жарких объятиях. От Рори исходил резкий, но приятный запах пота. Тело его тогда было другим – мускулистым, оттого что он постоянно играл в хоккей и сквош. Я до сих пор помню ощущения, что дарили его руки, тяжесть его тела. Заснули мы на рассвете. Рори обнимал меня одной рукой, просунув ее мне под шею. Сквозь шторы с боков сочился свет, щебетали пробуждавшиеся птицы.

– Ну как же, Дэниэл? Ты должен помнить. – Хелен кажется расстроенной. Она пристально вглядывается в лицо мужа, выискивая в нем признаки того, что память его не подводит. А он с минуту смотрит на нее так, будто впервые видит, потом пожимает плечами и опускает глаза. Блики пламени пляшут на его лице, высвечивая тени под глазами, придавая рельефность выпуклостям лба.

– Хелен, прости, что мы отказались от посещения перинатальных курсов, – говорю я. – Надеюсь, ты не в обиде, что мы выбрали другие. Они чуть ближе к дому.

– Да нет, что ты, – слабо улыбается она. – За это не переживай.

Я подозреваю, что она ждет более внятного объяснения. Но с ходу таковое я придумать не могу и перевожу разговор на другую тему:

– Ну что, перекусим?

Рори садится за стол, наполняет бокалы. У нас так заведено: он отвечает за напитки, я – за еду. Хелен тянет к Дэниэлу руки. Тот помогает ей встать с качелей, причем делает это просто: в его худом жилистом теле таится недюжинная сила. В школе он занимался гимнастикой, завоевывал медали. Однажды в университетском спортзале он продемонстрировал нам одно из упражнений на гимнастическом коне – целую минуту держал на весу свое тело, опираясь на одни лишь запястья. Жилы на его руках вздулись; туловище прямое, как карандаш, в лице полнейшая сосредоточенность. Без очков Дэниэл выглядит совершенно другим человеком.

– Ну и как они? Занятия? – любопыствую я. – Есть от них польза?

Да, я согласилась посещать вместе с ней курсы для беременных, поручила ей записать меня. Хелен была вне себя от радости. А я, если честно, более отвратительного варианта представить не могла – сидеть в жарком помещении с ней, Дэниэлом и Рори; слушать болтовню о растяжках, кровотечении, потугах, разрезании. И напрочь позабыла про эти курсы. Хелен говорила, что нам присылали уведомление, но я ничего такого не помню. К тому времени, когда увидела пометку на своем календаре, у меня уже были другие планы.

– Занятия как занятия, ничего выдающегося, – Хелен внимательно наблюдает за мной. Я не проявляю должного энтузиазма, и она, заметив это, умеряет свой пыл. – На самом деле, довольно скучные. А в помещении, где они проводятся, жарко, как в преисподней. Ужасно! Духота неимоверная. Ты ничего не потеряла. Дэниэл тоже так и не сумел ни разу выбраться. – Она отпивает воду из бокала и осуждающе смотрит на Рори. – Кто-то ведь должен защищать честь фирмы, тем более когда с проектом возникает столько неувязок.

Ни Дэниэл, ни Рори не реагируют на замечание Хелен. Порой мне кажется, что они ее вообще не слушают. Обстановка накаляется, и я принимаюсь подливать вино. Смотрю, как оно омывает стеклянные стенки бокалов. Почти ощущаю его вкус, чувствую, как оно шумит в моих сосудах, заставляя ребенка кувыряться *in utero*⁴. Но, взглянув на Хелен, я решаю воздержаться.

Жаль, что Хелен столь фанатично придерживается правил. Я часто ловлю себя на этой мысли. По крайней мере, хотелось бы, чтобы она не раздувала из мухи слона. А то в ресторане всю плешь проест официанту, показывая ему, какая она беременная. Можно подумать, у него глаз нет. Конечно, ее можно понять. У нее есть все основания не доверять собственному организму. Он уже, случалось, ее подводил. Теперь она старается исключить всякий риск. Думаю, Хелен убеждена, что, следуя правилам, она сумеет договориться – с Богом, со Вселенной. С кем угодно. Если будет следовать правилам, правила уберегут ее ребенка.

Я планировала поднять тост – за детей. Но Дэниэл, стоило мне налить ему вина, тут же подносит бокал к губам и одним глотком его ополовинивает. С минуту мы все молчим. Тишину за столом нарушают лишь звяканье приборов о тарелки, треск огня и слабые отголоски музыки,

⁴ *In utero* (лат.) – в утробе.

играющей на вечеринке в саду одного из домов на холме. В фонарях за дымчатыми стеклами мерцает пламя свечей.

Я смотрю на Рори. Он, глотнув вина, энергично накаливает на вилку кусочек пирога с салатом. Я пинаю его ногой под столом. Он обращает на меня недоуменные глаза. Я прожигаю его гневным взглядом.

– Обалденно вкусно, дорогая, – громко произносит Рори.

Остальные угукают, соглашаясь с ним.

– Очень простое блюдо. Там еще много, если кто хочет.

Заметно посвежело. Может, и зря мы сели есть во дворе. Но на холод никто не жалуется. Никто вообще ничего не говорит. Вечер, чувствуется, сбился с курса. Как бы направить его в нужное русло? Я снова сердито смотрю на Рори, пока он не перехватывает мой взгляд.

Рори поднимает голову и прижимает руки к столу, словно беседа только завязалась, раз он начал принимать в ней участие.

– Итак. Надеюсь, ребята, вы почтите своим присутствием небольшую вечеринку с ужином по случаю моего дня рождения?

Я вздыхаю. Вечеринка будет отнюдь не маленькой. Он приглашает всех подряд. Видимо, Рори думает, что ужины организуются сами собой. Впрочем, почему он должен думать иначе?

– Разумеется, – расплывается в улыбке Хелен. – Мы непременно будем.

– Отлично, – улыбается ей в ответ Рори. – Хелен, я тут на днях братика нашего видел. Его тоже пригласил.

Хелен на мгновение замирает со столовыми приборами в руках.

– Ты виделся с Чарли?

– Да. Мы тут как-то собрались съехать на одно из его вечерних диджейских выступлений, на которые он нас вечно приглашает. Забавно было, правда ведь, дорогая?

В удивлении вскинув брови, Хелен переводит взгляд на меня.

– Да, меня они тоже с собой потащили, – улыбаюсь я, поводя глазами с преувеличенной снисходительностью. Надеюсь, Хелен не очень рассердится, что никто из нас даже не сказал ей об этом. Ночные клубы она ненавидит, но еще больше не любит, когда про нее забывают.

– Мы водили туда одного из наших заказчиков, – объясняет Рори. – Вообще-то, было здорово. Правда, Дэниэл?

Тот пожимает плечами. Хелен хмурится: совершенно очевидно, что об этой вылазке «в свет» ей не сообщали и уж тем более ее не приглашали. Да и вообще, она всегда испытывает неловкость, когда при ней упоминают Чарли. Вряд ли она сама понимает, почему так происходит. Ее младшему брату почти тридцать лет, живет он в задрипанной однушке в Хакни, работает диджеем в клубе, который власти регулярно грозятся закрыть.

В принципе, Чарли – безнадежный тип. Несколько лет назад некая шведка, имени которой я не помню, родила ему дочь. В прошлом году у него возникли неприятности с полицией – вероятно, из-за наркотиков. Помнится, его освободили из заключения под поручительство Хелен. Подробностей я не знаю.

Теперь, судя по всему, он снова живет с Кэти. Интересно, как относится к этому Хелен? Про Кэти она давно не упоминала.

– Прекрасно, – неуверенно смеется Хелен. – Я буду рада повидаться с Чарли.

Я придаю своим чертам невозмутимость.

– Как поживает Кэти?

– Да мы как-то редко видимся в последнее время, – скорчив гримасу, отвечает Хелен. Я смотрю на ее искажившиеся черты, в которых сквозит обида. Похоже, у них с Кэти вышла какая-то размолвка.

– Должно быть, она очень занята на работе, – предполагаю я. Кэти – журналист, работает в одной из национальных газет – не самой престижной. И нам она при каждом удобном случае говорит, что у нее бешеная нагрузка.

– Да. Она сейчас очень занята, – с благодарностью кивает Хелен.

– В настоящий момент Кэти в Кембридже, освещает судебный процесс по тому ужасному делу... – осекается Хелен, краснея. – Вы, конечно, все о нем читали.

Мы морщимся, переглядываясь. Я кладу вилку, беру салфетку и промокаю губы. У Кэти просто талант портить аппетит и приятный вечер, навевая тошнотворные мысли, даже когда она не приглашена в компанию.

Всем известно, о каком деле говорит Хелен: газеты только об этом и пишут. Изнасилование, в котором обвиняют двух парней, выпускников частных школ. Бульварные издания, дабы подогреть интерес публики, также обычно добавляют, что один из них – сын какого-то бывшего министра, второй – отпрыск графа. Жертвой оказалась пьяная восемнадцатилетняя студентка, только-только поступившая в университет. В прессе публиковалась подробная информация о семьях обвиняемых, о том, в каких привилегированных условиях они воспитывались. Их родителей ежедневно фотографировали на ступеньках здания суда – матерей с затравленными взглядами, отцов с совершеннейшей опустошенностью в лицах. Я абсолютно уверена, что из сидящих за столом не только меня уже тошнит от всей этой шумихи.

– Странно, да? – осторожно произносит Хелен. – Как... как тогда.

Ей никто не отвечает. Я бросаю взгляд на Дэниэла. Тот смотрит на Рори. Мой муж прочищает горло.

– Кому-нибудь еще подлить? Хелен, еще «Сидлипа»?

– Я принесу, – говорит Хелен. – Мне все равно нужно в ванную.

Она начинает неуклюже подниматься из-за стола. Дэниэл смотрит в пространство, даже не замечая, что его жена намерена удалиться. Ей помогает Рори.

– Спасибо, – тихо благодарит Хелен.

Я улыбаюсь Рори, довольная тем, что он сменил тему разговора и проявляет заботу о сестре. Он встает, подмигивает мне, берет мой бокал и следует за Хелен в кухню.

– Дорогая, ты Клео покормила? – кричит Рори из дома.

– Ой нет, прости, – откликаюсь я.

Спустя несколько мгновений я слышу, как Рори насыпает в кошачью миску гранулированный корм. Ребенок в моем чреве начинает шевелиться, сильно пихает меня под ребра. Сидя на стуле, я меняю позу и смотрю на свой подергивающийся живот, в котором активничает живое чудо. Кладу ладони на ожерелье, обвивающее мою шею, и принимаюсь медленно водить по цепочке вверх-вниз холодную серебряную подвеску.

Хелен

Я в ванной Рори и Серены. Нахожусь здесь дольше, чем следует. Остальные на террасе, ждут. Я не вправе оставаться тут столько, сколько хочется. Поэтому приступаю к своей обычной процедуре, только по сокращенной программе.

Первым делом припудриваю щеки пудрой Серены, что она держит в среднем выдвижном ящичке. Затем из верхнего левого ящика беру крем для рук и толстым слоем обмазываю кисти. Он впитывается быстро. Потом начинаю открывать шкафчики. Вдыхаю запах ее шампуня, читаю ярлычки на упаковках ее лекарств, нюхаю ее полотенца, от бутылочек с лаком для ногтей отвинчиваю колпачки с кисточками, подношу их к свету и любуюсь восхитительными оттенками.

Электрическое освещение в ванной выключено, у раковины сияют две свечи, которые поставила Серена. Я мысленно отмечаю, что надо бы найти такие же для нашей новой ванной, которая скоро будет доделана. На деревянной полке набор масел для ванны в старинных аптекарских бутылках, которых я прежде здесь не видела. В одной – веточки лаванды, в другой – распутившийся бутон гибискуса.

Решаю открыть самую высокую бутылку. В ней веточка розмарина длиной с кошачий хвост. Я вытаскиваю стеклянную пробку и, смежив веки, упиваюсь ароматом.

Неожиданно пробка выскальзывает из моих пальцев и со стуком падает на плиточный пол, звоном оглашая ванную. Я успеваю заметить, что она закатилась за ножку шкафа.

– Хелен, ты как там?

Это голос Серены.

– Я сейчас, – отрываюсь я, бросая взгляд на дверь – на шероховатое стекло с ледяным узором. Опускаюсь на четвереньки, огромным животом подметая холодную плитку. Чувствую пыль на пальцах, подбирающихся к стеклянной пробке. Закупориваю бутылку, мою руки и открываю ящички, проверяя, все ли в них так, как было. Убирая на место пудру, я рукой задеваю что-то – листок бумаги в самой глубине ящика.

Я вытаскиваю его, рассматриваю. Это маленький конвертик – из тех, что обычно вставляют в букет цветов или прилагают к чеку в дорогом магазине. Конверт темно-красный, и на нем всего три буквы: РРХ. Инициалы Рори – Рори Ричард Хаверсток.

Похоже на любовную записку. От Серены? Колеблясь в нерешительности, я уже точно знаю, что вскрою конверт. С восторгом и нетерпением предвкушаю, как мне становится известна маленькая подробность личной жизни Серены. Донесшийся с террасы ее смех заставляет меня поторопиться. Я сую палец в конверт, извлекаю на свет плотную кремовую карточку.

*РРХ, любовь моя
Надень, я хочу полюбоваться
Ты навеки в моем сердце*

В

Я хмурюсь. Почерк явно принадлежит не Серене. При взгляде на последний инициал я чувствую, как внутри у меня все сжимается.

Появляется тошнотворное ощущение: я нашла нечто, не предназначенное для моих глаз, что-то нехорошее. Любовная записка, адресованная Рори? И что значит «хочу полюбоваться»? Чем полюбоваться? И кто эта «В»?

У меня сводит живот. Я запикиваю записку в конверт и прячу его в бюстгальтер. Потом поразмыслию.

Вернувшись на террасу, вижу, что грязная посуда со стола уже убрана. Серена и Рори сидят на качелях под одеялом. На Серене шелковый топ, прикрывающий совершенно круглый,

но аккуратненький живот. В ушах, на запястьях и шее у нее блестят серебряные украшения. Я смотрю на Серену и брата. Она улыбается мне и зарывается лицом в джемпер Рори. Тот играет с золотистыми прядями ее волос. Дэниэл сидит на стуле. Для меня места нет.

Я усаживаюсь на табурет возле Серены.

– Мы можем уступить тебе качели. – Серена порывается встать.

– Нет-нет, не надо. Мне и так хорошо.

Серена все равно снимает с себя руку Рори и, отодвигаясь от спинки скамейки, выпрямляется. Цепочка с миниатюрной фигуркой-подвеской на ее шее свешивается вперед.

– Красивое ожерелье, – замечаю я. – Что за фигурка? Собачка?

– Вроде бы, – рассеянно отвечает она. Наклонившись ко мне, кладет холодную ладонь на мою на руку. – Как у тебя с Кэти, все хорошо? Вы с ней не поссорились, нет?

– Что? С Кэти? Да нет, ничего подобного. Думаю, у нее просто много работы, – говорю я. Однако вопрос Серены меня насторожил. Может, Кэти и вправду на меня обижена? Это странно, что мы давно не виделись. Сразу добавляю:

– Я с ней скоро встречаюсь. У нее будет выходной, и мы с ней вместе пообедаем.

– Отлично, – улыбается Серена.

– Тебе придется отпрашиваться у своей новой подружки.

Я поворачиваюсь, осознав, что ко мне обращается Дэниэл. Все смотрят на него. Я только теперь понимаю, что до сей минуты он и двух слов не сказал за весь вечер.

– У какой подружки? – любопытствует Серена.

Теперь я жалею, что поделилась с Дэниэлом своими первыми впечатлениями о Рейчел до того, как узнала ее лучше. И зачем только я рассказала ему про то, что она пьет и курит, орет во весь голос, про ее телефонный чехол и одежду? Сейчас для меня важно дать всем понять, что мне и одной вполне комфортно на перинатальных курсах, что я прекрасно справляюсь там без них, и даже завела новых друзей.

– Да глупости он болтает, – говорю я Серене, чувствуя, что краснею. – Я с ней на занятиях познакомилась.

– Это та девушка, про которую ты упоминала? Рейчел? Какая она?

Дэниэл фыркает. Я награждаю его сердитым взглядом.

– Что, Дэниэл?

– Молчу!

– Ты даже с ней не знаком.

Дэниэл трогает свои очки, словно поправляет их, чтобы видеть лучше.

– Постой, я лишь исхожу из того, что ты мне говорила. Не ты ли назвала ее несколько экспансивной?

– Я этого не говорила, – отрывисто бросаю я, хотя, может, и говорила. – Ничего такого я не говорила, Дэниэл. Мне она нравится.

Я поворачиваюсь к Серене.

– Дэниэл просто бесится, оттого что на днях она приходила к нам и...

– Перевернула все наши диваны, – заканчивает за меня Дэниэл. Рори смеется. Серена удивленно смотрит на меня. Я медлю с ответом, подыскивая объяснение, которое удовлетворило бы Серену и выставило бы Рейчел в выгодном свете.

– Мы освобождали место для... йоги, – импровизирую я.

Тогда я впервые пригласила Рейчел к нам домой.

– Здесь мы и живем, – сказала я.

– Что... это все ваше? – Она тихо присвистнула, стряхивая с себя джинсовую куртку, и задрала голову, разглядывая люстры. – Ни фиги себе! С ума сойти!

Мне ее изумление доставило удовольствие. Я провела Рейчел на кухню, стала наливать воду в чайник.

– Слушай, а вдруг под полом золото спрятано. Вы никогда не проверяли?

Я завинтила кран, думая, что из-за шума воды, возможно, что-то не так услышала.

– Прости, что мы не проверяли?

– Золото не искали? Под половицами? Его полно в домах на этой стороне парка.

Я поставила чайник. Подумала, что, возможно, она надо мной подшучивает. Мне говорили, что я шуток не понимаю, все принимаю за чистую монету.

– Ты что, правда про это не слышала?

Я покачала головой.

Рейчел уселась на табурет и, шурясь, взмахом руки показала на потолочную розетку.

– В ту пору, когда строили эти дома, здесь поселялись богатые торговцы, – начала она. Затем, резко повернувшись, указала пальцем в сторону окна: – Люди постоянно ездили через парк, везли с собой золото, драгоценности, деньги, ткани и все такое.

Она ненадолго умолкла, чуть прищурилась.

– Но по другую сторону парка, в Блэкхите, орудовали грабители. Дорога на Вулидж была безопасной, по обеим сторонам высились стены, бандитов там не было. Но иногда приходилось ехать через Блэкхит. А разбойники не знали жалости.

Рейчел бросила взгляд в окно, словно хотела убедиться, что за нами никто не наблюдает из кустов роз.

– Существует множество всяких историй: как они срывали у женщин с шей ожерелья, разрубали в щепки кареты, если думали, что внутри есть золотые монеты. Перерезали упряжь и, вскочив на лошадей, мчались прочь. А криков о помощи никто там не слышал – ори не ори.

Я выдавила из себя смешок, давая Рейчел понять, что не принимаю всерьез ее рассказы, но пусть я ей и не верила, мне хотелось услышать больше.

– Только вот король и его окружение не знали, – продолжала Рейчел, накладывая сахар в чай, – что богатые торговцы Гринвича были в сговоре с грабителями Блэкхита. Именно поэтому им сходили с рук их преступления. Торговцы покровительствовали разбойникам и за то всегда получали свою долю награбленного золота. Разумеется, им светила бы виселица, если б король узнал об этом, потому они прятали добычу в своих домах. Обычно под половицами. Честное слово! Я сама где-то читала об этом. – Рейчел остановила на мне взгляд. – Seriously, поверить не могу, что ты ничего об этом не слышала. Здесь многие находят клады в своих домах – ювелирные украшения, антиквариат, всякие разные ценности. Бывает, что и целые состояния.

Я задумалась. Или все-таки я что-то такое слышала? По-моему, мама однажды рассказывала, что люди, живущие где-то неподалеку, нашли кубышку со старинными монетами.

– Возможно, – нерешительно промолвила я.

Теперь я краснею от стыда, вспоминая, как указывала Рейчел на верхнем этаже – в стороне от строительных работ – такие места, где половицы неплотно пригнаны друг к другу. Как поднимала мамин ковер, переворачивала диван. Нас обеих пьянила мысль, что мы можем отыскать в доме спрятанные сокровища. Одержимая этой идеей, Рейчел настояла, чтобы мы продолжили поиски в спальне, ванной, в других комнатах. Но, разумеется, таких половиц, которые отходили бы сами собой, мы не нашли, а как их поднять, не разворотив весь дом, придумать не могли и в итоге бросили это дело. После Рейчел даже кофе пить не захотела. К тому времени, когда Дэниэл вернулся с работы, ее уже и след простыл, а у меня не было сил ставить на место мебель.

– Хелен, по-моему, она абсолютно нормальная, – поддерживает меня Серена, бросая косой взгляд на Дэниэла. – Хорошо, что ты с ней подружилась.

У Серены просто талант гасить скандалы. Щекотливые ситуации она сглаживает так, будто расправляет складки на скатерти. Дэниэл улыбается ей и затем, повернувшись ко мне, говорит более мягким тоном:

– Я не был возмущен. Просто немного удивился при виде сдвинутой мебели. – У него чуть заплетается язык, отчего я раздражаюсь еще больше.

– Ну, сдвинули диван один раз, и что? Небо упало? – сердито вопрошаю я. – А ты все никак не успокоишься.

– Расслабься, Хелен. Я просто подтруниваю над тобой, – спокойно отвечает он. Но я уже взвинчена, злость клокочет в горле, и сдержать ее я не могу.

– Наша гостиная сейчас не самый прелестный уголок на свете. Как там диван ни поставь, уютнее она не станет.

– Ну вот, началось. – Дэниэл теперь тоже злится. – Ну, конечно, это я во всем виноват. Ишь, ремонт затеял, гад.

– Я этого не говорила.

– Ты только это и говоришь.

Мы продолжаем пререкаться. Рори и Серена тактично помалкивают, отводя от нас глаза. Я с ужасом вспоминаю, что они и прежде так себя вели, когда становились свидетелями наших супружеских перебранок.

Я сдерживаю свой запал, твердо вознамерившись не допустить, чтобы наши пререкания вылились в безобразный скандал. И лишь когда гнев утихает, осмеливаюсь посмотреть на стол. Дэниэл снова наполнил свой бокал и с притворным интересом изучает этикетку на винной бутылке. Поймав взгляд Серены, я беззвучно, одними губами, извиняюсь. Она морщит лоб, как бы говоря: «Ерунда». Качает головой, давая понять, чтобы я не волновалась. Подливает себе и мне воды, и Рори тоже.

В тот вечер по возвращении домой Дэниэл почти сразу валится на кровать, медленно смежает отяжелевшие веки, пряча под ними бегающие зрачки, и проваливается в пьяный сон. Вскоре я слышу, как мой муж дышит с присвистом – верный признак того, что он крепко спит. Очки его, словно неся вахту, лежат на книгах, которыми завалена прикроватная тумбочка с его стороны. Без очков его лицо кажется каким-то неприкаянным, незаконченным, словно детский рисунок.

Я разворачиваю записку, что нашла в ванной Серены и Рори. Ногтем большого пальца разглаживаю примятости на бумаге и долго смотрю на текст. *PPX*. Может быть, «В» – это какое-то прозвище Серены? Нет, вряд ли. Я наткнулась на что-то дурное, не предназначенное для моих глаз. Это ясно как божий день. «Ох, Рори, Рори, – мысленно вздыхаю я. – Во что ты ввязался?»

Я все смотрю и смотрю на записку. Буквы начинают расплываться и сливаться перед глазами. Вскоре это уже вовсе и не буквы, а какие-то очертания, символы. В конце концов, так ничего и не надумав, я закладываю записку между страницами в конце книги, которую читаю, и выключаю лампу, что стоит на тумбочке.

Прислушиваюсь к глубокому ритмичному дыханию Дэниэла. Прислушиваюсь к тихим взрывам смеха где-то в ночи, к гудению стиральной машины внизу, к шуму ветра, гуляющего по холму и со свистом пролетающего мимо наших окон. Долго не могу уснуть.

Срок: 30 недель

Хелен

Мне кажется, я постоянно натыкаюсь на Рейчел – на рынке, в кафе с эстрадой или в парке с его выжженными газонами. Впрочем, ничего удивительного. Она живет в моем районе, мы обе в декретном отпуске. Однако с Сереной так часто я никогда не сталкиваюсь. Да и с Рори тоже. И даже с Дэниэлом. Впрочем, у всех разные обстоятельства. Поразительно другое: откуда на улице днем столько народу? Чем они все занимаются?

Декретный период сам по себе необычен: нейтральная полоса между месяцами беременности и родами. Свой день я строю вокруг приема у врача, поездки в город за покупкой «радионяни» или аппарата ЧЭНС⁵. В метро все пассажиры приклеены к своим смартфонам: ведут переписку, организуя свою жизнь, более насыщенную, чем моя. Зачастую никто даже головы не поднимет, не обратит внимания на то, что рядом беременная женщина, которой необходимо сесть. А я сама стесняюсь попросить, чтобы мне уступили место. Мне все твердят, чтобы я пользовалась преимуществами своего положения и получала удовольствие. Я не совсем понимаю, что они имеют в виду. В моем восприятии это – мертвый сезон. Период отсутствия, период ожидания.

Наконец нам с Кэти удается условиться о встрече, чтобы вместе пообедать. Я жду этого дня – яркий флажок в моем пустом календаре – с большим нетерпением, чем обычно. И все равно сегодня утром почему-то немного нервничаю.

По дороге к станции метро подумываю о том, чтобы сообщить Кэти о записке, которую я нашла в ванной Рори и Серены. Кэти – мастер добывать нужную информацию. Она сумеет выяснить, во что впутался Рори.

Минуя книжный магазин, я вижу, как Кэти выходит из станции метро. Что сразу бросается в глаза – кожаная куртка, наушники, стаканчик кофе в руке, отстраненное выражение лица. Кэти, как и Чарли, всего на полтора года младше меня. В детстве она жила неподалеку от нас и была подружкой Чарли, но в подростковый период, когда небольшая разница в возрасте перестала иметь существенное значение, и я с ней подружилась. Мы оставались подругами на протяжении всех лет учебы в университете и дружим по сей день.

Но сейчас, когда я увидела ее, у меня вдруг возникло ощущение, что она снова намного моложе меня. В конце концов, нас уже разделяет нечто большее, чем полтора года разницы в возрасте: супружество, дом, дети, беременность. Глядя на нее теперь, я чувствую себя старухой. Я машу ей, и на ее лице расплывается изумленная улыбка. Она подбегает ко мне, крепко меня обнимает.

– Боже, Хелен. Какая же ты огромная!

– О, спасибо!

– Прости, я не так выразилась. Ты выглядишь великолепно. Просто... мы с тобой давненько не виделись, да?

Ее слова тяжестью оседают в душе. Усилив воли я заставляю себя посмотреть ей в глаза, улыбнуться и сказать, что я не обижена. Она улыбается, в лице ее отражается облегчение.

– Пойдем, – говорит Кэти. – Я умираю с голоду.

Мы идем через парк, где могучие конские каштаны только-только начинают сбрасывать свои богатые наряды. Золотистые листья выплывают из железных ворот и ложатся на тротуары,

⁵ Чрескожная электронейростимуляция (ЧЭНС) – метод электрической стимуляции, в первую очередь направленный на симптоматическое облегчение боли путем избирательной активации нервных волокон.

оседают в ржавой воде канав и у дверных проемов. У павильона № 1 за столиками сидят посетители кафе, наслаждаются отголосками исчезающего тепла. Они все в верхней одежде, но с удовольствием, закрыв глаза, подставляют лица солнцу, упиваясь каждым мгновением ласковой погоды. Между столиками лавирует официантка, собирает грязную посуду, балансируя на руке подносом с кофейными чашками и усыпанными крошками тарелками. На ней серый передник, на поясе завязанный маленьким бантиком.

Внутри полно народу. Я прошу официанта провести нас к столику, но тот качает головой. Свободных мест нет. Согласны ли мы подождать? Кэти говорит, что она не против. А у меня болят ноги и в животе урчит. Я обвожу взглядом зал, пытаюсь определить, может, кто-то из посетителей уже уходит.

И вижу ее. Мой первый инстинктивный порыв – отвести глаза, притвориться, будто я ее не заметила. Поздно. Наши с ней взгляды встречаются, Рейчел улыбается нам. Она сидит у окна, перед ней – раскрытая газета. Она начинает махать нам как безумная.

– Кого я вижу! – Рейчел сворачивает газету и прямо с ней кидается к нам, натываясь на спинки стульев. На ней расшитая золотистыми блестками юбка, объемная футболка на несколько размеров больше, чем нужно, и зеленые кроссовки. – С ума сойти!

Она лезет ко мне обниматься. Я чувствую, как обмякаю в ее объятиях. Кэти выжидательно смотрит на меня.

– Это Рейчел, – представляю я свою новую знакомую, когда та отстраняется от меня. – Рейчел, это моя подруга Кэти. – Они улыбаются друг другу. Помедлив, я добавляю: – Мы с Рейчел познакомились на курсах для будущих мам.

– И с тех пор то и дело сталкиваемся животами! – Рейчел громко хохочет над своей шуткой. Все в кафе оборачиваются к нам: что за шум? – Какими судьбами?

– Собирались пообедать, – отвечает Кэти. – Но свободных мест, кажется, нет.

– Садитесь ко мне!

Я смотрю на столик Рейчел. Она заняла самое лучшее место в кафе, прямо у окна, именно там, где, как я надеялась, удастся сесть нам. Но мне становится не по себе от того, что нам придется обедать в ее компании.

Рейчел смотрит на меня, и ее лицо тускнеет, словно она прочитала мои мысли.

– О, простите... я, наверное, мешаю. – Она выдавливает из себя неестественный смешок, опускает глаза в пол, сворачивает в руках газету и резким жестом показывает на свой столик. – Прошу, располагайтесь. Я все равно собиралась уйти. Расплачусь у стойки.

Рейчел сворачивает и сворачивает газету, пока та не становится настолько толстой, что больше уже не сворачивается. От ее дерганных движений у меня на затылке волосы становятся дыбом. Кэти подступает к ней и легонько трогает ее за плечо.

– Рейчел, ну что за глупости? – с теплотой в голосе произносит она. – Нам будет приятно пообедать вместе с тобой. Если ты уверена, что хочешь составить нам компанию. – Она смотрит на меня. – Правда ведь, Хелен?

Рейчел тоже устремляет взгляд на меня.

– Я точно не буду вам мешать? Вы мне сразу так и скажите.

Мы просим обедающих за соседними столиками чуть сдвинуться, чтобы нам вдвоем можно было уместиться за своим. Для нас находят еще один стул, который несут к нам над головами других посетителей. Мы с Рейчел устраиваемся друг напротив друга на удобных стульях. Кэти занимает шаткий стул, усаживаясь почти вплотную спиной к одному из наших соседей.

– Рейчел, ты на каком месяце? – любопытствует Кэти.

– В нашей группе всем женщинам предстоит родить в одном и том же месяце, – отвечаю я за нее сердитым оправдывающимся тоном. Ничего не могу с собой поделать.

– Ах, ну да.

– Просто некоторых во время беременности разносит гораздо больше, чем других, – объясняет Рейчел Кэти приглушенным голосом, глядя на меня. – Слушай, так ты, должно быть, журналистка? Я как раз сейчас читала твою статью! Вот так совпадение!

Рейчел снова вытаскивает свою газету и размахивает ею перед Кэти.

– Хелен много рассказывала о тебе, о судебном процессе, что ты освещаешь. Я буквально только что купила эту газету, чтобы ознакомиться с твоим материалом.

Она раскрывает газету на развороте. Над статьей стоит фамилия Кэти. Есть и фотографии, на которых запечатлены двое обвиняемых. Они входят в здание суда в сопровождении своих миленьких подружек, с которыми оба держатся за руки, а также родителей и адвокатов. Фотография потерпевшей отсутствует – должно быть, не разрешили поместить в газету. Обкусанным ногтем Рейчел стучит по статье.

– Твоя статья – это что-то невероятное. Кэти, расскажи об этом деле. Подробно. Я хочу знать все. Нет, правда.

Кэти нерешительно начинает свой рассказ о судебном процессе, излагает факты. Я ерзаю на стуле, стараясь не думать о том, как все это сильно напоминает мне один случай из прошлого. Рейчел внимает ей с живым интересом – глаза вытаращены, рот немного приоткрыт. Наблюдая за ней, я пытаюсь вспомнить, сообщала ли я ей о том, что сегодня встречаюсь с Кэти. Да нет, не могла я проболтаться. Или все же проговорилась?

К нам подходит официант. Рейчел заказывает сэндвич из батона с семенами укропа, копченым лососем и сливочным сыром, большую чашку горячего шоколада и шоколадное пирожное. За время обеда она дважды выходит на улицу покурить, причем встает прямо под окном, у которого мы сидим и, дымя сигаретой, все время улыбается и машет нам, словно хочет, чтобы мы оставались у нее на виду. Мы смущенно улыбаемся ей в ответ.

Когда она возвращается после второго перекура, мы с Кэти снова заказываем кофе и чай с ромашкой. А Рейчел внезапно заявляет, что ей пора.

– У меня куча дел, прямо огромная куча, – объясняет она, словно мы ее задерживаем. Щека ее измазана шоколадом.

Рейчел достает кошелек и бросает на стол купюру в пятьдесят фунтов. Кэти удивленно смотрит на нее.

– Это слишком много.

– А, ерунда. – Рейчел широко улыбается, великодушным жестом отменяя возражения Кэти. – Я чудесно провела с вами время.

У меня возникает странное чувство, будто она дала нам «на чай».

Перед уходом Рейчел загребает меня в медвежьи объятия и обнимает дольше, чем можно было ожидать, словно прощается со мной на длительное время. Это было бы здорово, невольно думаю я.

– Большое спасибо, что не отпаснули меня, – благодарит нас Рейчел. – Вы обе такие лапули. Кэти, с нетерпением жду следующей статьи.

Нацелив на Кэти указательный палец и чуть оттопырив большой, она демонстрирует странный жест, подразумевающий то ли «браво», то ли «пиф-паф». Потом поворачивается и со всей дури толкает входную дверь так, что та, скрипя на петлях, ударяется о наружную стену. И уходит. Вслед ей звякает колокольчик.

Я смотрю, как Рейчел идет через парк. Не свожу глаз с ее худенькой фигурки. Она минует детскую площадку, где школьники в новеньких формах, побросав портфели, бегут к качелям.

– Вроде бы неплохая девчонка, – произносит Кэти.

– Немного экспансивная, – морщусь я. – Прости. Я не знала, что она будет здесь. Честное слово.

– Да все нормально. Я была рада с ней познакомиться.

Мы с Кэти все еще смотрим вслед удаляющемуся силуэту Рейчел. Почему-то мне хочется убедиться, что она действительно ушла.

Хелен

В конце концов я оставила попытки договориться о встрече с коллегами по работе. После того, как в последний момент отменился один ланч, затем еще один, я поняла, что зря стараюсь. У моих коллег много других дел. Во всяком случае, на меня у них времени нет. Меня уже забыли.

Теперь я чаще навещаюсь в клинику, у меня повышенное артериальное давление. Акушерки внимательно осматривают мои лодыжки, проверяют, нет ли отеков. С озабоченностью в лицах спрашивают, не кружится ли у меня голова, нет ли одышки. По дороге домой я чувствую, как тревога постепенно уходит. Но потом с каждым днем беспокойство снова растет. И так до следующего визита к врачу.

Я взяла в привычку подолгу заниматься рутинными делами, иногда с обеда почти до самого вечера, – чтобы скоротать время, отвлечься мыслями от ребенка, от бесконечных сомнений. Если небо чистое и светит солнце, я развешиваю в саду белье, обычно включив на полную мощность радио, чтобы не слышать шума строительных работ и топота рабочих, таскающихся туда-сюда через кухню. Порой, когда грохот особенно невыносим, я иду в парк – гуляю, сажусь в кафе, чтобы почитать книжку и выпить чаю в тишине и покое. После снова возвращаюсь в дом. На ужин готовлю изысканные блюда, нарезаю овощи аккуратными многоцветными горками.

Сегодня по крышам стучит дождь, окрашивая шифер в цвет мокрого асфальта. Я решаю посвятить утро уборке на верхнем этаже – уборке тех комнат, на которые не покушаются ремонтники. Полагаю, это попытка воссоздать некое подобие порядка, внушить себе, что я контролирую ситуацию. Первым делом разбираю шифоньеры, освобождая полки для вещей ребенка. Старую одежду запихиваю в мешки: отдам ее на благотворительность. Потом принимаюсь за выдвижные ящики и стенные шкафы. Ловлю себя на мысли, что эти занятия, их неспешный гипнотический ритм начинают мне нравиться. Я сижу на ковре в спальне, слушаю по радио «Женский час». Рядом стоит кружка с ромашковым чаем, между коленями у меня зажата старая коробка, которую я сняла с гардероба Дэниэла. В окна хлещет дождь.⁶

Полагая, что в коробке лежат лишь университетские учебные материалы Дэниэла – конспекты, курсовики, книги по архитектуре – и почти все это пойдет на выброс, я начинаю разбираться. Подолгу задерживаюсь на каждой странице, пальцем водя по его записям, сделанным столь знакомым для меня почерком. Бесконечные строчки слов, написанные синей авторучкой – единственным подарком его отца. С улыбкой я вспоминаю, что в университетские годы у Дэниэла вся ладонь от подушечки мизинца до запястья вечно была испачкана чернилами.

Вспоминаю, как первый раз по винтовой лестнице вскарабкалась в крошечную комнату Дэниэла на чердаке с видом на Кингс-парад⁷. Робко постучала и, пытаясь придать голосу непринужденность, спросила, не хочет ли он пойти в бар. Дэниэл поднял голову от учебника. На лицо его из окна падал вечерний свет. Он поправил на носу очки и улыбнулся, словно впервые увидел меня. Словно понял, о чем я на самом деле прошу. «С удовольствием», – ответил он. У меня, помнится, перехватило дыхание: как, оказывается, все просто. И чего я так долго тушевалась?

Я вспоминаю наши университетские годы. Двое студентов в комнате на чердаке. Я любила смотреть, как он спит, упивалась им, балдела, как от наркотика. Его грудь размеренно вздымалась и опускалась, свернутая ладонь покоилась на подушке. Неужели это были мы? Воз-

⁶ «Женский час» («Woman's Hour») – ежедневная программа для женской аудитории по «Радио-4» (Radio-4), в эфире с 1946 г.

⁷ Кингс-парад (King's Parade) – улица в центре Кембриджа (Великобритания).

можно ли, что мы все еще те же? Я вспоминаю, как мы весело смеялись – над чем угодно. Как болтали до рассвета. Как прикасались друг к другу, даже без всякой надобности. Просто потому, что это было приятно. Я затаивала дыхание, глядя на него, на линии его бровей, на его мускулистое тело, на улыбку, которая появлялась на его губах только тогда, когда он искренне чему-то радовался. Да, я до сих пор его люблю. Мы любим друг друга. Но порой мне трудно вспомнить, когда мы последний раз прикасались друг к другу, просто так. Когда я последний раз смотрела на него. Когда мы по-настоящему смотрели друг на друга. Разве это нормально? Или так быть не должно?

Под курсовыми работами я нахожу документы, связанные с расследованием аварии. Есть даже копия завещания моих родителей. Как все это попало в его университетские материалы? Пытаясь ни во что не вчитываться, не думать о том кошмаре, я быстро сортирую по стопкам бумаги – завещание, его заверенная копия, полис страхования жизни, бесконечное множество прочих документов, оформление которых, как казалось в свое время, навечно поглотит нас.

И вдруг вижу – сбоку торчит уголок плотной бумаги. Это старая фотография, на которой запечатлены я, Серена, Рори и Дэниэл в годы учебы в Кембридже. Серена стоит в центре. На ней алая накидка с капюшоном, распущенные волосы перекинута через одно плечо. Наряд ее я сразу узнаю. Это – костюм, в котором Серена исполняла главную роль в одном из университетских спектаклей. Постановка была необычная – сюрреалистическая трактовка каких-то старинных сказок. В университете Серена занималась в драмкружке. Я никогда не понимала этого увлечения. Она даже уговорила ребят принять участие в спектакле. Они тоже оба в костюмах – в костюмах, которые я помогла сшить. У Дэниэла на голове длинные заостренные волчьи уши; у Рори на боку висит топор из фольги. Он играл роль дровосека – героя. А вон и я, выглядываю сбоку. Из нашей четверки только у меня одной была роль без слов.

Я осторожно беру фотографию. Она измята в хлам, будто ее сначала скомкали, а потом снова разгладили. Перевернув снимок, я вижу, что в действительности он был разорван, а потом старательно склеен. На обороте четыре маслянистых бледно-голубых пятнышка, по одному в каждом углу. Они наводят меня на мысль. Это, наверное, то самое фото, которое я содрала со стены на девичнике, устроенном Сереной. Как оно здесь оказалось, черт возьми?

Я вспоминаю тот ужасный уик-энд в Корнуолле, много лет назад. До этого мне не случалось бывать на девичниках. Самой мне и в голову бы не пришло предлагать людям потратить кучу денег на то, чтобы отметить мое вступление в новую жизнь, мое замужество. Помнится, я очень обрадовалась, что меня тоже позвали, хотя приглашение, присланное по электронной почте, было почему-то написано в приказном тоне. Если честно, я не знала, чего ждать. Думала, что, возможно, нас будет человек пять-шесть – только самые близкие ее подруги, личный повар. После ужина, возможно, поиграем во что-нибудь.

В подарок Серене я везла особенное вино – ее любимое, из урожая того же года, что мы пили на ее двадцать первый день рождения. Я искала его несколько недель. Хотела удивить. Сидя в поезде, воображала, как вручаю ей эту бутылку с гладким горлышком. Как она будет тронута. Как заблестят от радости ее глаза.

Разумеется, едва я прибыла туда, мне сразу стало ясно, что я напридумывала себе бог весть что. Видимо, я все неправильно поняла и лишь впустую потратила время, готовя свой изысканный подарок. Во-первых, я долго стояла под дверью, давила на кнопку звонка, но его звук тонул в потоке гиканья и свиста, доносившихся из дома. Я ждала, ждала, чувствуя, как у меня коченеют руки, а бутылка в сумке становится все тяжелее. Наконец мне открыли. У девушки, что вышла на мой звонок, было удлинненное лошадиное лицо, грудь пересекала нейлоновая лента с яркой надписью «Подружка невесты».

– Эмбер. Вряд ли мы знакомы, – произнесла она.

– Простите. – извинилась я, и сама не зная за что. – Меня зовут Хелен. – Я протянула ей вино. – Это для...

Очередной взрыв смеха в доме вынудил меня умолкнуть. Пока я думала, что сказать, Эмбер забрала у меня бутылку, и мы пошли на кухню.

– Спасибо, – с рассеянным видом поблагодарила меня девушка. – У нас как раз красное закончилось.

Все сидели в гостиной, шумно галдели, сбившись в кучки. На диванах я не увидела ни одного свободного местечка и потому села на пол. Наконец мне удалось перехватить взгляд Серены. Она мило изобразила радостное удивление, улыбнулась мне, помахала, но тут же отвернулась и снова увлеклась разговором. Меня она почти не замечала.

Тот первый вечер я провела, сидя на подлокотниках дивана или привалившись к кухонным шкафам, все старалась не занимать много места и не стоять перед ящиками со столовыми приборами. Тиская в руках бокал с теплым игристым вином, пыталась быть полезной и притворялась, что получаю удовольствие от вечеринки. Позже в мусорном ведре увидела порожнюю бутылку из-под того вина, которое я привезла. Сомневаюсь, что Серене досталась хоть капля.

Остаток выходных я проводила фактически сама с собой. Остальные либо пили, либо, зашторив окна, лежали в постели – мучились похмельем. Все девчонки на той вечеринке, как мне казалось, только тем и занимались, что напивались допьяна. А я в тот период пыталась – отчаянно пыталась – забеременеть. Я видела, что одним своим присутствием навеваю на всех тоску. Посему старалась ни у кого не путаться под ногами. Никто и не возражал.

В субботу вечером все куда-то пошли гулять, хотя поливал дождь, и я просто бродила по дому. Он казался огромным. Стены его длинных коридоров, где, по необъяснимой причине, имелось много часов, тикавших вразнобой, были также увешены старыми фотографиями Серены, от детских, на которых она – девчушка с собранными в хвостики блестящими белокурыми волосами, до уже совсем недавних. Одна из подружек невесты взяла на себя труд напечатать и развесить эти снимки.

Как мне объяснили, было задумано сделать фотогалерею из «старых конфузливых снимков», которые Серена сочтет уморительными. Правда, насколько я могла судить, она на всех фотографиях выглядела прекрасно. На то, чтобы их развесить, ушел, должно быть, не один час. Я втайне надеялась, что на стенах останутся отметины от «блу-тэка» и этой Эмбер не вернут залог. Ее лошадиное лицо выпирало с каждой фотографии, и я заподозрила, что эта фотогалерея была ее идеей. На многих снимках, естественно, был и Рори. На нескольких я заметила даже Дэниэла. Но себя не увидела ни на одном фото.

В конце концов, просмотрев десятки фотографий, я нашла эту. Единственное фото, на которое попала я, висело у туалета на нижнем этаже. Вероятно, этот снимок сочли «конфузливый» потому, что Серена на нем была в театральном костюме, хотя выглядела она, как обычно, невероятно восхитительно. Но не от этого в глазах защипало от слез. А от того, что я увидела себя, ту, какой была до смерти мамы и папы. А была я тогда красавицей. Хоть и не догадывалась об этом. А мое лицо! Такое юное, нежное, полное надежд! Улыбается в объектив, моему будущему. До того, как мне стало известно, что оно уготовило. Я не в силах была смотреть на фотографии, подобные той. Я их ненавидела.

Со стыдом вспоминаю, как в ярости содрала этот снимок со стены, разорвала его пополам, прямо посередине. Потом счистила «блу-тэк» со стены и наклеила его на одну из других фотографий, на глупую башку Эмбер. И та сразу превратилась в плавающее тело с комочком голубого пластилина вместо лица.

Теперь, держа в руках эту фотографию, я смотрю и смотрю на нее, пока дождь не прекращается и мой чай не остывает. Я ненавидела этот снимок. Больше никогда не хотела его видеть. Так почему он был разглажен и склеен? Зачем я это сделала? А может, не я? Мои руки покрываются гусиной кожей. Должно быть, я. И тому должна быть причина. Но почему же я не помню?

Срок: 31 неделя

Хелен

Как разорвать дружеские отношения? Оказывается, как ни странно, раздружиться с кем-то не так-то просто, особенно если это некто назойливый, вроде Рейчел. Мне не удастся придумать убедительный предлог, чтобы отказать Рейчел во встрече. Ей известно, что я свободна, свободна всегда. Что я не работаю, в отличие от всех остальных. Что Дэниэл, Серена и Кэти обычно не могут найти для меня время, а с Чарли я общаюсь крайне редко. Ей известно, что родители мои умерли. А мои коллеги и не особо желают встречаться со мной. Ей известны все мои секреты. Я сама их ей выдала, один за другим. Рейчел известно, что повода не видаться с ней у меня нет.

С некоторых пор я пытаюсь вести ежедневник, чтобы при необходимости можно было сослаться на занятость. В качестве отговорки придумываю дополнительные визиты к врачу, жалуясь на скачки артериального давления и панические состояния, возникающие от того, что ребенок толкается как-то не так. Записываюсь в салон красоты на процедуры маникюра и стрижки – все лишь для того, чтобы сказать Рейчел: у меня запланировано это и то. Но беда в том, что мне все труднее проводить время за перебиранием вещей в шкафах и расстановкой книг на полках в алфавитном порядке. Меня начинает донимать одиночество.

Работы по реконструкции дома превращаются в стройку века – котлован роют и роют, в палисаднике и в саду за домом растут горы щебня и земли, засыпавшие цветы и другие растения, что посадила мама. Теперь, когда устанавливается холодная сырая погода и темнеет рано, меня все чаще не покидает ощущение, что ремонт никогда не кончится. Я шатаюсь по Гринвичу, словно бездомная. Периодически укрываюсь в пабе, кофейне или кафе музея, заплатив £ 2.75 за чашку чая. Но через некоторое время начинаю испытывать дискомфорт от сидения на жестком стуле, что мешает сосредоточиться на чтении книги. Появляется изжога, ноет поясница, край стола врежется в живот. А на дисплее телефона, что лежит передо мной на столе, то и дело вспыхивают сообщения, которые ежеминутно шлет мне Рейчел. Как мое самочувствие? Не желаю ли «потусоваться»? Занята? В итоге наступает такой момент, когда задумываешься, прилично ли продолжать отнекиваться.

И вот, когда дождь наконец-то прекращается и выглядывает осеннее солнце, я решаю прогуляться по парку. Надевая обувь в прихожей, слышу стук в дверь. Даже через непрозрачное стекло вижу, что это снова Рейчел. Поворачиваю в замке ключ. Ее неустойчивый силуэт сжимается и раздувается на панелях входной двери. Я уже узнаю ее фигуру, ее рост. Ее манеру стучать. Три удара, через равные интервалы. Размеренные.

Рейчел стоит на крыльце с серым бумажным пакетом из итальянского продуктового магазина, что находится на холме. В нем мясо, сыры, оливки, батон чиабатты, блестящие зелено-красные яблоки. Она протягивает мне пакет, словно наживку.

– Ну да, знаю, сперва нужно было бы позвонить, – широко улыбается Рейчел. – У тебя уже есть планы? Просто я подумала... ты говорила, что Дэниэл в отъезде.

Я колеблюсь. Ей известно, что Дэниэл уехал на несколько дней. Я сама ей об этом сказала во время нашей последней встречи пару дней назад. Она знает, что я буду дома одна. От этой мысли мне становится не по себе.

– Рейчел, если честно, я чувствую себя как выжатый лимон, – импровизирую я. – Собираюсь прилечь отдохнуть после обеда.

Жалкое оправдание, и мы обе это понимаем. Рейчел грустнеет.

– О, ну тогда ладно, – ретируется она.

И мнется, перебирая пальцами ручки пакета. Наблюдая за ней, я отмечаю, что сегодня улыбка у нее какая-то натянутая, словно она силится не опускать уголки рта. Рейчел начинает перекладывать пакет из одной руки в другую и роняет его. Из него сыплются персики и яблоки, следом – круглая головка сыра. Подпрыгивая, подобно колесу игрушечной телеги, она скатывается по ступенькам крыльца на дорогу.

Я вздыхаю, медленно нагибаясь.

– Давай помогу.

– Нет, – резко отвечает Рейчел. – Я сама, Хелен.

В ее голосе слышатся слезы. Она бросает пакет с остальными продуктами и бежит за головкой сыра. Когда возвращается, я вижу, что она шмыгает носом.

– Извини, – говорит Рейчел. – Не обращай внимания. Просто я... у меня сегодня очень неудачный день. Я подумала, что, может быть, ты... подумала, может быть...

Подушечкой ладони она с пугающей яростью трет глаза, направляя локоть в мою сторону под неким странным углом. Наконец отнимает от лица руку. Под одним глазом у нее темнеет пятно от размазанной туши. «О боже», – думаю я про себя.

– Рейчел, прости, – извиняюсь я. – Проходи, пожалуйста. Сейчас поставлю чайник.

Войдя в дом, Рейчел сразу веселеет. В кухне включает на полную громкость радио, вытаскивает с подставки ножи, как будто наобум. Берет тяжелые мраморные разделочные доски, которые мы ценим и бережем, постукивает одной о другую. На одну доску плюхает хлебный батон и принимается отпиливать от него толстые ломти, ножом скрежеща о мрамор. У меня подергиваются пальцы. Эти ножи нам подарили на свадьбу. Когда она закончит нарезать хлеб, они станут совсем тупые.

– У меня здесь продуктов на целую армию! Не возражаешь, если я переключу радио?

Не дожидаясь ответа, Рейчел переключает радио с любимой станции Дэниэла, освещающей спортивные события, на ту, что передает поп-музыку, которую я не слушаю. Пританцовывая, она носится по кухне; ее живот трясется вместе с ней. Я не меломан, не помню, что это за песня. Подобная музыка обычно звучит в барах, парикмахерских, кафе. От нее у меня всегда болит голова.

– Чатни⁸ или что-то такое есть?

Рейчел роется на верхней полке холодильника, гремя банками с горчицей и майонезом. Несколько банок достает и, прижимая их к груди одной рукой, несет на стол. Прежде чем захлопнуть холодильник, сует руку в открытую корзинку с малиной, берет горсть и сыплет в рот.

– Сейчас устроим настоящий пир, – заявляет она, пережевывая красные ягоды.

И начинает копаться в одном из своих пакетов, оставив нож на краю стола. Я решаю отодвинуть его подальше. А то упадет, поранит кого-нибудь. Но только я собираюсь сомкнуть пальцы вокруг рукоятки, Рейчел хватается нож и резко поворачивается. Передо мной сверкает металлическое лезвие.

– Нет, нет, не тронь.

Нож блестит в ее руке. Меня одновременно бросает в жар и холод.

– Я сама все приготовлю, глупышка! – со смехом кричит она, взмахами руки отгоняя меня. – Я же сказала. Сегодня я угощаю. Сядь, отдохни.

Она снова поворачивается к столу и начинает нарезать сыр. Тук, тук. Я опускаюсь на табурет. Осознав, что затаила дыхание, медленно, чтобы Рейчел не заметила, выпускаю из легких воздух.

– Значит, Дэниэл интересуется футболом?

Я сбита с толку. О чем это она?

⁸ Чатни – традиционные индийские кисло-сладкие фруктово-овощные соусы, оттеняющие вкус основных блюд.

– В каком смысле?

– Я про радио, – отвечает она. – Оно было настроено на «5 лайв».

– Ах, ну да. Интересуется.

– За какую команду болеет?

– «Ньюкасл юнайтед».

– Он оттуда, что ли, да?

– Мм. Нет. Его родители там живут. Дать тебе нож для сыра?

– Не надо, этим управлюсь.

Тук. Тук.

– Рейчел... как твое самочувствие? – ровным тоном спрашиваю я. – Какая-то ты... Ты говорила, у тебя был тяжелый день?

– Да все нормально. – Она трясет головой как полоумная. Вновь отворачивается к столу и принимается вываливать на доску из целлофановых пакетов липкие ломтики ветчины и пастрами. Нам же это нельзя! Не соображает, что ли?

– Просто... мужики они и есть мужики, – бормочет Рейчел.

Во мне снова разыгралось любопытство. Оно как зуд, который невозможно унять.

– Ты все-таки решилась ему сказать? Отцу ребенка?

Рейчел будто и не слышала моего вопроса. Нарезав целый круг сыра «бри», она принимается за второй.

– Рейчел, – останавливаю я ее, – ну куда ты столько? Лично я не очень голодна.

– Не голодна? – Она роняет нож. Тот со стуком падает на мраморную доску. Рейчел поворачивается ко мне, вытирая глаза. – А знаешь что? Ну его этот пир. Забьем. – она отпихивает от себя доску, так что та ударяется о стену. – Дурацкая затея.

– Нет, нет, что ты, – возражаю я, встревоженная резкой сменой ее настроения. – Вовсе не дурацкая. Пойдем в сад? Подальше от рабочих. Устроим там... эээ... пикник.

Во взгляде Рейчел проскальзывает подозрительность.

– Нет, правда, Рейчел. Это будет здорово. – Я поглядываю на нож, в ушах у меня шум собственного дыхания.

– Ладно, – улыбается она. – Отлично! Но сначала я чаем тебя напою. Ты ведь без чая жить не можешь.

– О. Да. Чудесно. Спасибо.

Рейчел включает чайник, открывает кухонный шкаф, что висит над ним, достает две кружки. Из другого шкафа берет чайные пакетики и сахар. Она знает, где что лежит. Рейчел подает мне кружку, а в свою насыпает три полные ложки сахара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.